Владимиръ СИНЕОКОВЪ
Кан-тъ Доктора Политическихъ Наукъ

КАЗАЧЕСТВО
и
ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

Съ предисловіемъ Генерала КРАСНОВА

ПАРИЖЪ
1928

Владимиръ СИНЕОКОВЪ
Кан-тъ Доктора Политическихъ Наукъ

КАЗАЧЕСТВО
И
ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

Съ предисловіемъ Генерала КРАСНОВА

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.

Les cosaques et leur importance dans la formation de l'Etat

ПАРИЖЪ
1928

«На славномъ морѣ Каспійскіимъ,
На томъ островѣ на Куминскіимъ
Стоитъ застава крѣпкая;
Стоятъ атаманы казачіе.
Не много, не мало ихъ — три тысячи».

Былина «ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга г-на Синеокова появляется весьма ко времени и къ мѣсту.

Прошло восемь лѣтъ съ того рокового дня, когда козаки покинули Россію, оторвались отъ своихъ станицъ; восемь лѣтъ они живутъ въ изгнаніи, въ эмиграціи, лишенные корней, связывавшихъ ихъ съ казачьей землей. У однихъ многое изъ того, что составляетъ бытъ казачій, позабылось, другіе, просто, этого не знаютъ, ибо уѣхали слишкомъ молодыми. Осталась: — пѣсня казачья, казачьи хоры. — Нарождавшіеся и умиравшіе, и вновь нарождавшіеся заграницей казачьи газеты и журналы въ значительной своей части преслѣдовали не цѣли исторической правды, но узкія партійныя цѣли, говорили о казакѣ съ точки нужной имъ политики.

Дома, на Родинѣ, казака политикой не смутишь. Дома, изъ каждаго угла старой хаты, изъ повадки всей семьи, отъ сѣдой бороды дѣда, отъ его стараго чекменя, увѣшаннаго крестами за Плевну и Шипку, за Хиву и за Ляоянъ, изъ каждаго закута его куреня вѣетъ здоровымъ бытомъ, говоритъ сама исторія. Тамъ все понятно и все ясно.

Дома — разсказы и пѣсни стариковъ. Дома старыя книги, исторія Войска, старыя газеты и журналы, архивныя дѣла. Справка точная, авторитетная и вѣрная. Дома разрушителей казачьяго благосостоянія, потрясавшихъ войскомъ и Москвою въ герои не запишешь. Тамъ сквозь ихъ «подвиги» проступаетъ кровь невинныхъ жертвъ, и видно зарево пожаровъ родныхъ станицъ. Дома ясно: — герои тѣ, кто созидаетъ, и разбойники, достойные анаѳемы — тѣ, кто разрушаетъ.

Заграницей все это стерлось, отшлифовалось временемъ и невѣжествомъ. Партійная обработка создаетъ геройство тамъ, гдѣ его нѣтъ, изъ разрушителя дѣлаетъ героя.

Книга г-на Синеокова поможетъ казаку и не казаку разобраться въ самой сущности казачьяго бытія. Конечно, это не исторія. Въ маленькой брошюрѣ нельзя разсказать всѣ подвиги и славу не только одиннадцати существующихъ войскъ, но и войскъ, которыя были и естественною смертью погибли, или, слившись съ другими казачьими войсками, или, растворившись въ Русскомъ населеніи. Но книга г-на Синеокова указываетъ причины образованія казачьихъ войскъ по окраинамъ Русской земли, описываетъ поступательные движеніе казаковъ вплоть до естественныхъ рубежей Русской земли и ихъ культурную роль въ

строительствѣ Государства Россійскаго. Она, извлекая отвѣтъ изъ болѣе чѣмъ пятисотлѣтняго существованія казаковъ въ Россіи, говоритъ о возможномъ ихъ будущемъ, отъ нихъ самихъ зависящемъ.

Въ рукахъ казака эта книга пробудитъ здоровыя мысли о великомъ прошломъ казаковъ и ихъ жертвенномъ служеніи Руси, Москвѣ и Россіи. Она заставитъ его призадуматься надъ этимъ прошлымъ и сознать свою роль, свое мѣсто въ предстоящемъ строительствѣ разрушенной коммунистами Россіи.

Я привѣтствую этотъ трудъ молодого автора и желаю ему самаго широкаго распространенія среди казаковъ. Я привѣтствую этотъ трудъ и желаю, чтобы не казаки «Русскіе» ознакомились съ нимъ и узнали бы изъ него, что разница между казакомъ и Русскимъ лишь въ томъ, что казакъ всегда активно боролся за Русскіе интересы и старался сохранить свой Русскій бытъ въ полной его неприкосновенности: — отъ старой вѣры дѣдовъ и отцовъ, отъ ихъ пѣсни и домашняго обычая, до прически, внѣшняго облика, костюма, походки, всего того, отъ чего такъ славно пахнетъ святою Русью. Эта книга поможетъ разобраться во многихъ вопросахъ, которыхъ раньше не было, ибо все дома было ясно, и которые здѣсь на чужбинѣ вызываютъ крѣпкіе споры, раскалываютъ и разлагаютъ прочную семью казаковъ, вносятъ распрю въ несчастной средѣ изгнанниковъ изъ родной земли.

Привѣтъ этой книгѣ и ея автору. По казачьи искренно и радостно говорю ей мое напутственное короткое слово: —

— Счастливо!

П. КРАСНОВЪ.

Глава I.

До великой нашей Смуты въ Россіи какъ то мало занимались вопросомъ о казачествѣ. Существовало оно съ незапамятныхъ временъ, слилось съ государствомъ, жило гдѣ-то тамъ далеко на окраинахъ. А что казаки изъ себя представляютъ, откуда взялись, какое ихъ было историческое значеніе, — объ этомъ какъ-то не задумывались. Для военныхъ это были четвертые полки, въ столицахъ о нихъ знали по конвою и джигитовкѣ, а для общества это было нѣчто ужасное, что-то вродѣ разбойниковъ, оплотъ ненавистнаго царизма, плетью разгонявшихъ студенческія сходки. А соціалисты шли дальше. Такъ «Народный Вѣстникъ» писалъ: «слово казакъ стало синонимомъ грубости, наглости, жестокости, звѣрства... когда наши народные представители получатъ власть, то казачій вопросъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которымъ они займутся и рарѣшатъ его въ смыслѣ уничтоженія этой военной касты, являющейся покорнымъ орудіемъ... въ рукахъ правящаго класса... прямо-таки преступно поддерживать мнѣніе, что казачество является чѣмъ-то особеннымъ, чего нельзя касаться». Къ этому они и приступили съ образованіемъ Временнаго Правительства,- и что стараются закончить большевики.

Въ бѣженствѣ же, гдѣ происходитъ переоцѣнка цѣнностей, гдѣ силятся разобраться въ прошломъ, провѣрить настоящее и заглянуть въ будущее— казачьимъ вопросомъ занялись больше, но мнѣнія, какъ водится, разбились, равно какъ и взгляды на возможное значеніе казачества въ возстановленіи Россіи. Нѣкоторые ему не придаютъ никакого значенія, другіе же дѣлаютъ на него ставку просто, какъ на живую силу, желая использовать его въ своихъ цѣляхъ. Но ни тѣ, ни другіе вопроса о казачествѣ во всей его обширности и глубинѣ не исчерпываютъ.

Поэтому, при переоцѣнкѣ всѣхъ русскихъ цѣнностей, будетъ въ порядкѣ вещей подвести итогъ прошлому казачества и попытаться показать, какую цѣнность для будущей Россіи оно можетъ представить. Для этого вполнѣ достаточно разобрать четыре положенія:

I Что такое казачество?

II Его происхожденіе, т. е. есть ли это вполнѣ самостоятельныя общины, образовавшіяся на пустынныхъ степяхъ независимо отъ общей жизни государства, или даже отдѣльныя народности, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ самостійниковъ, или же это выдвинутыя впередъ заставы сперва вольно, стихійно, а впослѣдствіи руководимыя государствомъ?

III Какое значеніе имѣло казачество въ жизни государства: какъ застава по границѣ, съ одной стороны, а съ другой, во многовѣ-

ковой борьбѣ государства съ Западомъ и Востокомъ за свое существованіе.

IV Какое значеніе казачество можетъ и должно имѣть въ будущемъ въ борьбѣ за возрожденіе государства и установленіе въ немъ порядка и закона?

Болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе этой задачи выяснитъ сущность казачества и его значеніе въ жизни Россіи.

Слово «казакъ» — татарскаго происхожденія. Въ русскомъ обиходѣ оно появилось съ XVI-го вѣка и означало человѣка вольнаго, независимаго, не знающаго надъ собой никакой власти. Но это не значитъ, что и само казачество по своему существу появилось тоже въ XVI-омъ вѣкѣ. Равно какъ и названіе Ильи Муромца «матерымъ» казакомъ не означаетъ, что Илья Муромецъ, личность историческая, жилъ въ XVI-омъ вѣкѣ или позднѣе. Но это даетъ намъ поводъ думать, что въ сознаніи народномъ Илья Муромецъ по существу былъ тѣмъ же казакомъ. Но происхожденіе казачества такъ же темно, какъ и происхожденіе самой Руси.

По этому поводу французскій историкъ Леруа-Больё, прожившій въ Россіи 10 лѣтъ съ цѣлью ея изученія, говоритъ: «Славяне не завоевали Россіи — это было долгое и медленное мирное вселеніе,длившееся вѣками, которое почти не было замѣчено современными лѣтописцами, и о которомъ исторія только догадывается, не имѣя возможности отмѣтить постепенныя видоизмѣненія его».

И говорить о зарожденіи казачества это значитъ говорить о зарожденіи Руси, такъ какъ его жизнь всецѣло связана съ жизнью государства на протяженіи всей нашей исторіи.

Но казачество свойственно не только Россіи. Правда, особыя географическія условія нашей страны (обширность пространства, отсутствіе установленныхъ границъ на югѣ на всемъ протяженіи исторіи, а на нѣкоторыхъ окраинахъ почти до XX-го вѣка, и въ силу борьбы съ кочевниками особо сложившаяся жизнь государства) — способствовали развитію казачества въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Россіи.

Еще въ первые вѣка Византійской Имперіи имѣлся родъ казачества на восточныхъ границахъ этого государства. По приграничной полосѣ въ Малой Азіи устраивались военныя поселенія изъ охотниковъ; имъ нарѣзывалась земля, которую они должны были воздѣлывать, не платя податей, а взамѣнъ отражать набѣги двигавшихся на Западъ кочевниковъ.

Такое же казачество находимъ мы въ Венгріи по юго-восточнымъ ея границамъ, состоявшее изъ переселенныхъ туда славянъ во времена долгой и упорной борьбы съ турками. Съ прекращеніемъ набѣговъ и закрѣпленіемъ границъ. казачество перешло въ мирное поселеніе.

Такими же казаками были первые поселенцы въ заокеанскихъ владѣніяхъ, куда еще не простиралась государственнная власть. Возьмемъ для примѣра зарожденіе такого государства, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Первые поселенцы выѣхали туда изъ Англіи въ 1609 году, снаряженные одной торговой компаніей, какъ тридцатью годами ранѣе братья Строгоновы снарядили Ермака Тимофеевича. Это тоже были вольные люди. Ихъ вожакъ Джонъ Смитъ воевалъ противъ турокъ, попалъ въ плѣнъ, затѣмъ бѣжалъ оттуда на Русь. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ и казаковалъ на Руси.

Эти вольные люди, въ составѣ нѣсколькихъ десятковь чеолвѣкъ, поселились въ Каролинѣ. Два года спустя ихъ было уже пятьсотъ. Черезъ одиннадцать лѣтъ еще къ нимъ высадилась сотня преслѣдуемыхъ голандцевъ-протестантовъ. Они образовали военное поселеніе самостоятельно, независимо ни отъ какого государства. Черезъ нѣсколько лѣтъ имъ доставили изъ Англіи женъ за 120 фунтовъ табаку. Колонія, или войско росло быстро. Имѣя точку опоры, англійское государство шагнуло за Океанъ и присоединило къ себѣ колонію. Но условія жизни не способствовали развитію казачества. Въ Россіи же болѣе, чѣмъ тысячелѣтняя борьба со степью не только не допускала возможности уничтоженія казачества, но требовала его усиленія.

На зарѣ жизни нашего государства, если не всѣмъ «русичамъ», то многимъ изъ нихъ пришлось казаковать, когда они садились по Днѣпровской долинѣ. Собственно два великихъ народа пришли въ Европу, гдѣ они собой заложили основы почти всѣхъ государствъ: это сперва германцы, а за ними славяне. Первые, благодаря географическимъ условіямъ Западной Европы, разбились на нѣсколько народностей, а вторые, или, скорѣе, восточная вѣтвь ихъ, заняли всю Восточную Европу, о которой французскій географъ Гимли говоритъ слѣдующее: «это восточная или плоская Европа, великая русская или сарматская равнина, заключенная между горами Уральскими, Кавказомъ и Карпатами и продолжающаяся на Западъ вдоль Балтійского и Сѣверного морей до поперечной линіи, что географы называютъ европейской діагональю, которая тянется отъ Карпатъ до возвышенностей Эмса, проходя черезъ горы Гигантовъ и Гарца». Именно это однообразіе равнины имѣло рѣшающее значеніе въ разселеніи по ней восточныхъ славянъ, которые, разселившись, не потеряли племенной связи и образовали одно большое государство. Между тѣмъ, какъ Западная Европа, раздѣленная горами, способствовала образованію многихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи Альпы имѣли первенствующее значеніе. Тотъ же Гимли говоритъ, что поверхность Альпъ «раздѣлена между пятью современными государствами — Италіей, Франціей, Швейцаріей, Баваріей и Австріей; болѣе того, ихъ долины, гдѣ еще древніе географы насчитывали до 50 народностей, и гдѣ въ средніе вѣка зародилось множество болѣе или менѣе самостоятельныхъ обществъ, служитъ и по сіе время убѣжищемъ крайней обособленности». Быстрому разселенію нашихъ предковъ много способствовали рѣки, которые впослѣдствіи служили дорогами для казаковъ отъ Чернаго и Каспійского морей до Тихаго океана.

На очень небольшомъ пространствѣ находятся источники Волги, Днѣпра и Западной-Двины. Сѣверная Двина и Онега берутъ начало недалеко отъ источниковъ притоковъ Волги. Днѣпръ и Волга имѣли особое значеніе, первый какъ питательный нервъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями въ Кіевской Руси, а вторая въ Московской, связывая Востокъ съ Западомъ. По этимъ движущимся путямъ и расползлась Святая Русь.

Поселившись на скрещеніи трехъ великихъ путей: 1) къ востоку черезъ Кавказъ и Туркестанъ, 2) къ югу по Днѣпру и Черному морю, 3) къ западу по Дунаю, имѣя связь съ тремя тогдашними очагами развитія: Средняя Азія, Византія и южное побережье Западной Европы, Русь быстро вошла въ сношеніе съ этими народами и завела съ

ними бойкую торговлю, развивъ до высокой степени городскую государственность. Занимаясь, главнымъ образомъ, торговлей и промыслами и обладая «тихимъ, мирнымъ нравомъ, любя празднества, пляску, пѣніе, и будучи свободолюбивыми», славяне очень страдали отъ постоянныхъ нападеній со стороны степи, а также и съ Сѣвера и Сѣвера-Запада отъ литовскихъ и финскихъ полудикарей. Отъ этихъ частыхъ нападеній жизнь становилась трудной, а торговля почти невозможной, тѣмъ болѣе, что караваны проходили по Днѣпру въ Черное море черезъ степи, занятыя кочевниками. Въ виду этого, отдѣльные города должны были вооружаться и взять на себя охрану воднаго пути «изъ варягъ въ греки». Для этого, какъ тогда водилось, они, независимо другъ отъ друга, нанимали варяжскія дружины. И призваніе варяговъ, по лѣтописи, не можетъ служить исходной точкой начала русскаго государства. Ибо такого рода призванія или приглашенія на службу для внѣшней обороны, по всей вѣроятности, бывали и раньше. Во всякомъ случаѣ, это не было единственнымъ. Такія призванія продолжались до XI-го вѣка отдѣльными городами. Такъ, въ 1018 г. Великій Новгородъ нанялъ отрядъ варяговъ на службу, а чтобы достать средства на ихъ содержаніе, ввелъ особые налоги. Варяжскіе военачальники обязывались ограждать города и земли отъ внѣшнихъ враговъ, набирая дружину впослѣдствіи и изъ мѣстныхъ жителей. За что они получали плату не деньгами, а тѣмъ, что въ данной землѣ имѣлось или производилось. Для этого они сами часто объѣзжали землю и собирали дань. Слово «дань» надо понимать, какъ платежъ. По мѣрѣ того, какъ варяжскіе военачальники русѣли, а ихъ дружины пополнялись туземцами и все болѣе и болѣе сливались съ мѣстнымъ населеніемъ, вокругъ нихъ образовалось нѣчто вродѣ правящаго класса, тѣмъ болѣе, что они завѣдывали военной государственной стражей, а по объединеніи земель и государственными войсками. Теченіемъ вещей и ходомъ образованія государства, потомки этихъ начальниковъ стражи превратились въ высшихъ управителей, начальниковъ войскъ и посредниковъ въ иностранныхъ сношеніяхъ. Но властителями или владѣтельными князьями они никогда не были. Главное значеніе имѣло Вѣче. Въ мирныхъ договорахъ съ Византіей въ IX-омъ вѣкѣ. они подписывались отъ своего имени и отъ имени русскихъ земель. Въ четвертомъ поколѣніи они были уже не варяги-пришельцы, а славянскіе военные вожди. Спустя тольуо вѣкъ всѣ пришлые варяги совершенно затерялись въ славянахъ — растворились. По своей малочисленности, они никакого вліянія не оказали ни на политику, ни на государственныя учрежденія, ни на право, ни на частную жизнь славянъ и не ввели феодализма, какъ то произошло въ Западной Европѣ въ завоеваннныхъ ими странахъ.*)

*) Яркій примѣръ представляетъ Франція, гдѣ германскіе завоеватели (отъ нихъ она и имя свое имѣетъ — отъ франковъ) образовали собой правящій классъ и держались совершенно отдѣльно отъ туземнаго населенія до XI в., замѣнивъ собою въ промежуткѣ времени отъ VI до IX в. римское помѣстное дворянство. Въ количествѣ 200 тысячъ германскіе феодалы, завладѣвъ страной въ 10 милл. населенія, въ теченіе ряда вѣковъ вели упорную борьбу съ этимъ населеніемъ. Поэтому сліяніе шло очень медленно, настолько медленно, что еще въ XV в. въ Реймской области существовала нѣмецкая епархія.

Съ переселеніемъ на Сѣверо-Востокъ положеніе измѣнилось. Тамъ ужъ князья заселяли свои земли, свои вотчины. Такъ Андрей Боголюбскій хвалился, что онъ «всю Бѣлую Русь (Суздальскую) городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ». Помимо того, повліяла борьба съ Востокомъ и Западомъ. Власть постепенно сосредоточивалась въ рукахъ князя. Да и то въ трудныя минуты всегда созывались Соборы вплоть до Петра I, который ввелъ самодержавіе по западному образцу и который, кстати сказать, былъ единственнымъ настоящимъ самодержцемъ на Руси, управляя самъ лично страной и входя въ подробности жизни своего народа.

Съ образованіемъ государственности, дружины, охранявшія земли и сопровождавшія караваны, сдѣлались государственными войсками, а ихъ смѣнила по границѣ застава изъ русскихъ людей. На югѣ со стороны, степи, по рѣкамъ возводились укрѣпленія и строились небольшія крѣпости, а между рѣками протягивалась застава для прикрытія отъ набѣговъ кочевниковъ. Въ случаѣ набѣга всѣ прятались въ укрѣпленія точно такъ же, какъ то впослѣдствіи было на Окѣ, Дону, Терекѣ, Уралѣ и Кубани. Даже въ мѣстахъ частыхъ набѣговъ приходилось строить высокій частоколъ на большія разстоянія.

Въ теченіе болѣе трехъ вѣковъ велась борьба со степью: съ хазарами отъ IX-X в. в., съ печенѣгами X-XI в. в. и съ половцами XI и XII вѣковъ до татарскаго нашествія, когда Русь ушла къ сѣверовостоку, а съ ней туда ушло и казачество.

Конечно, въ то время не существовало такого казачества, какъ мы привыкли его понимать; оно не имѣло опредѣленной формы и не было выдѣлено въ сословіе, — да его и трудно было-бы отдѣлить отъ прочаго войска и указать, гдѣ кончается войско, а гдѣ начинается казачество, разъ куряне, жившіе въ пограничной области, были «подъ трубами повити, подъ шеломами възлелѣяни, конецъ копія въскърмлени; пути имъ вѣдомы, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачутъ, акы сѣры вълцы въ полѣ, ищючи себѣ чти, а князю славы».

Нашъ лѣтописецъ показываетъ намъ «Откуда русская земля есть, и какъ она пошла быть». Въ примѣненіи къ нашей исторіи, именно, можно понять буквально выраженіе «пошла быть», ибо наша земля «шла быть» со II по XX вѣкъ. И только къ началу послѣдняго она достигла своихъ границъ, когда волна безпрерывнаго переселенія докатилась до краевъ. Впереди шелъ казакъ съ оружіемъ, а за нимъ слѣдовалъ крестьянинъ съ сохой. И вмѣстѣ, шагъ за шагомъ, прошли они отъ Днѣпра и отъ границъ Московскаго княжества до Черного и Каспійского морей, Урала, переваливъ его, прошли всю Сибирь до Тихаго океана и, въ концѣ концовъ, очутились на Аляскѣ, которую забайкальскіе казаки присоединили во второй половинѣ XVIII-го вѣка, — и на западномъ берегу Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ вплоть до Мексики. Отъ бывшихъ тамъ русскихъ поселеній осталось названіе одной мѣстности «Русскіе холмы». И казачій историкъ Иванъ Попко справедливо говоритъ: «куда ни забредутъ русскіе люди, хотя бы «самодурью», безъ видимой государственной цѣли, туда придетъ и русское царство». А забредать русскимъ людямъ было куда, будь то къ сѣверу, востоку или югу. Первое время казачество было инымъ, о войскахъ казачьихъ не было и рѣчи. Люди уходили

отдѣльными артелями. Да и названія этого не носили, и лошадей у нихъ не было, а спускались они внизъ по рѣкамъ въ лодкахъ. Если южное казачество гораздо позднѣе достигало воднымъ путемъ Анатолійскихъ и Персидскихъ береговъ, то уже въ XI и XII вѣкахъ сѣверное (если можно такъ его назвать, ибо по существу это были тѣ же казаки) достигало Урала и береговъ Бѣлого моря. А отважные новгородцы скоро добрались до Шпицбергена и восточной Шотландіи, по берегу которой были (по англійскимъ даннымъ) ихъ поселенія, затерявшіяся со временемъ. Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ отдѣльныя артели выходили промышлять или охотиться, т. е. «казаковать», и онѣ хотѣли воли и свободы. Но на сѣверѣ казачество, какъ мы привыкли его понимать, не могло развиться, ибо тамъ не было для этого данныхъ: не было басурмановъ, и государство быстро достигло естественныхъ границъ и закрѣпило ихъ. На югѣ и востокѣ развитіе казачества пошло естественнымъ путемъ, благодаря отсутсвію опредѣленныхъ границъ и вѣковой борьбѣ со степью государства.

Когда же зародилось казачество, принявшее извѣстные намъ формы? На этотъ вопросъ вѣрнѣе будетъ отвѣтить, что оно никогда и не прекращалось съ самаго зарожденія Руси, но существовало въ маленькомъ незамѣтномъ размѣрѣ, неотмѣченное даже нашей исторіей. Иначе и не могло быть. Пока Русь собиралась воедино, пока тяготѣло надъ ней татарское иго, до тѣхъ поръ существовало центростремительное направленіе въ переселеніи, такъ какъ подъ покровомъ Москвы безопаснѣе жилось. И тѣ, «добрые молодцы», которые впослѣдствіи назвались казаками, не могли заходить далеко въ степь. Но по сверженіи ига, Русь повела наступательное движеніе, выдвигая казачество впередъ совершенно механически. И по мѣрѣ того, какъ Русь сползала къ югу и востоку, казачество уходило далѣе и далѣе въ степь, не прерывая связи съ государствомъ. Теперь уже болѣе крупныя артели выходили на промыселъ или охоту, спускались внизъ по рѣкамъ такъ далеко, насколько у кого хватало средствъ и храбрости проникать въ степь. Многіе изъ нихъ селились далеко за предѣлами государства, внѣ досягаемости его власти. Въ началѣ селились отдѣльными артелями. Но въ ту мѣстность, гдѣ уже были поселенцы, охотнѣе приходили новые. Даже на маленькомъ укрѣпленномъ островѣ, гдѣ была Сѣчь, существовали отдѣльные курени, говорившіе объ отдѣльныхъ артеляхъ. Постоянная опасность отъ кочевниковъ и необходимость защиты принудила объединиться въ станицы, а потомъ и общины, которыя впослѣдствіи назвались войсками. Борьба оказывалась не по силамъ, и имъ вскорости пришлось опереться на государство. Сперва помощь была только оружіемъ и съѣстными припасами. Государство рано учло пользу казачества. Но по мѣрѣ роста государства и его поступательнаго продвиженія, борьба съ кочевниками становилась общегосударственной, и помощь казакамъ стала оказываться самая дѣятельная, вплоть до усиленія войскъ людьми. И само казачество занимаетъ все большее и большее значеніе въ жизни государства, оно постепенно растягивается по всей границѣ отъ Буга до Амура и вмѣстѣ съ тѣмъ участвуетъ во всѣхъ имперскихъ войнахъ. Естественная связь его съ государствомъ растетъ и крѣпнетъ. По мѣрѣ продвиженія границы, войска казачьи или уходятъ за ней или измѣняютъ свое внутреннее устройство съ ходомъ государственной жизни, воспринимая

укладъ ея и становясь частью цѣлого. Немыслимо же было въ XVIII вѣкѣ сохранить «вольницу» XVI-го вѣка, когда за хлѣбопашество казнили смертной казнью, какъ того хотѣлъ Булавинъ, или сохранить въ чистомъ видѣ Запорожскую Сѣчь, окруженную мирными хлѣбопашцами, когда граница ушла далеко впередъ, и по берегу Черного моря основались города. Рѣзкія перемѣны въ казачьей жизни, отмѣченныя бунтами Булавина и Пугачева и уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, происходили по причинѣ запаздыванія въ сравненіи со временемъ опредѣленнаго жизненнаго уклада войскъ.

Въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни, казачьи войска нарождались, перемѣщались и даже исчезали. Такъ исчезли войска Рязанское, Волжское, Уфимское, Камское, Самарское, Запорожское, Украинское, Слободское, Азовское уже въ 1865 г. и Дунайское, народившееся послѣ Отечественной войны и преобразованное въ 1856 г. въ Новороссійское, уничтоженное въ 1868 г. А по азіатской границѣ на протяженіи болѣе 10 тысячъ верстъ зарождались новыя для защиты русской земли по примѣру старшихъ братьевъ въ Европѣ.

Вполнѣ справедливо выраженіе, что «Русь бродячая» прокладывала дорогу Руси осѣдлой. Въ первые вѣка существованія южного казачества государство пользовалось этой бродячей Русью въ своихъ цѣляхъ, а когда то было выгодно въ дипломатическихъ сношеніяхъ, отказывалось отъ него и предоставляло его самому себѣ. Иногда на Кругу объявлялось: «бѣлый царь шлетъ вамъ поклонъ, приказалъ спросить о вашемъ здоровьѣ. Онъ учинилъ размиръ съ Турками и шлетъ насъ промышлять надъ Крымцами».

Въ 1684 г. гетманъ Сагайдачный приглашалъ донцовъ итти съ нимъ на Крымъ. Донцы отказались и грамоту его переслали въ Москву. Но голыдьба пошла за Сагайдачнымъ. Въ слѣдующемъ году Москва писала на Донъ: «вамъ казакамъ безъ нашего указу ссылаться съ польскимъ королемъ, помощь ему оказывать походомъ на Азовское море не только чинить, но даже и мыслить о томъ не годилось, потому что у насъ теперь миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ». А въ 1686, по заключеніи мира съ Польшей, была грамота изъ Москвы: «полномочные послы межъ нами и польскимъ королемъ учинили вѣчный миръ и отдали въ нашу сторону, вѣчно, Кіевъ съ Запорожьемъ и со всѣми прежними городами. И вы, атаманы и казаки, собравшися всѣмъ войскомъ, промышляли бы надъ непріятелемъ всѣхъ христіанъ, турками и крымцами, и корысть себѣ и вольный проходъ на море получали, сколько всемогущій Господь помощи дастъ». А на заявленіи Турціи, что казаки взяли Азовъ и грабятъ прибрежные города, Москва отвѣчала послѣ того, какъ Соборъ рѣшилъ Азова отъ казаковъ не принимать, не будучи въ состояніи воевать съ Турціей, что казаки вольные и воюютъ отъ себя, а султанъ можетъ ихъ наказать самъ; и помощи казакамъ не было оказано.

Commandant Gendron говоритъ, что «Россія дѣйствуетъ въ своихъ завоеваніяхъ путемъ поглощенія. Она не переходитъ къ новымъ завоеваніямъ, не усвоивъ окончательно прежнихъ или, скорѣе, не переваривъ ихъ. Англія, напротивъ, дѣйствуетъ путемъ господства; способъ легко примѣнимый въ странѣ съ раздѣленіемъ общественныхъ кастъ, что угрожаетъ ужасными послѣдствіями покорителю, если страна перестанетъ его бояться». Казаки шли впередъ и завоевывали,

а затѣмъ помогали усваивать эти завоеванія. Только въ Европейской Россіи казаки замирили цѣлый край Юго-Востока и дали возможность заселить его. Въ областяхъ Донской, Кубанской, Терской, Астраханской, Черноморской и Ставропольской было въ 1915 году 8.300.000 русского населенія. Они такъ быстро двигались, что къ концу царствованія Петра I растянулись лентой по всей южной границѣ Имперіи, отъ Днѣстра до Амура — Запорожскіе по Днѣпру, Малороссійскіе и Слободскіе до Донца, Донскіе, Гребенскіе и Терскіе, Яицкіе и Сибирскіе. Далеко въ степь была выдвинута застава богатырская, состоявшая изъ укрѣпленной линіи отъ городка къ городку: между ними были укрѣпленія, а между укрѣпленіями пикеты, между которыхъ ѣздили разъѣзды. Была живая ограда. Днемъ и ночью неустанно слѣдило казачество за степью на вышкахъ, курганахъ и деревьяхъ и было всегда готово первымъ принять ударъ и отстаивать своей грудью Святую Русь, крѣпко помня завѣтъ отцовъ, передававшійся изъ поколѣнія въ поколѣніе, — охранять Русскую Землю и Православіе. Охрана была вполнѣ надежная. Что дало поводъ госуд. Александру II писать въ 1861 году Главнокомандующему Кавказскими войсками... «казачье сословіе предназначено въ государственномъ быту для того, чтобы оберегать границы Имперіи, прилегающія къ враждебнымъ и неблагоустроеннымъ племенамъ». Но, какъ увидимъ ниже, дѣятельность казачества не ограничивалась этимъ однимъ.

Какъ же жилось казакамъ по границѣ? Для ясного представленія возьмемъ картинки XVII, XVIII, XIX вѣковъ на Дону, Кубани и Терекѣ.

Прошелъ слухъ о набѣгѣ. По верховымъ и низовымъ городкамъ была разослана «опасная» грамота, «чтобы всѣ казаки держали ружья въ чистотѣ, кормили лошадей и были въ готовности въ одинъ часъ выступить въ походъ, чтобы крѣпили городки, не выходили и не выѣзжали въ поле безъ оружія. Въ каждомъ городкѣ прочитывали на сборѣ грамоту и, снявши копію, посылали дальше безъ задержанія. Еще не успѣла «опасная грамота» обойти всѣ городки, какъ казачій разъѣздъ, высланный въ Кубанскую сторону, напалъ на татарскія сакмы (слѣды). Населеніе было въ ту пору на лѣтнихъ работахъ. Старики, схвативши знамена, выѣхали съ ними сзывать народъ въ осаду. Завидя знамена, старъ и младъ, жены и малыя ребята спѣшили въ городки, сносили свое имущество въ церковныя ограды, подъ защиту пушекъ. Въ тѣхъ же городкахъ, гдѣ не было крѣпкой ограды, добро зарывалось въ землю. То былъ всеобщій «сполохъ». На греблѣ, возлѣ рѣчки Сала загорѣлся сперва одинъ маякъ, затѣмъ второй, третій, а черезъ нѣсколько мгновеній запылала вся Кубанская сторона. Чего давно ужъ не бывало. Поджидая непріятеля, войсковой атаманъ стоялъ у Черкасска. Татары же внезапно появились у станицы Кумшатской, переплыли Донъ, выжгли городокъ и разсыпались по сосѣднимъ станицамъ, брали въ плѣнъ людей, отгоняли скотъ, хватали добычу, послѣ чего, такимъ же порядкомъ, переплывши Донъ, скрылись въ свою сторону (Абаза: «Казаки»). За этотъ набѣгъ казаки отомстили. Въ 1637 году пошли за Кубань въ составѣ 9½ тысячъ конницы и 1½ т. пѣхоты при одной пушкѣ. По выженнымъ степямъ походъ былъ настолько труденъ, что только 5 тысячъ конницы достигло Кубани. Тамъ они настигли татаръ, разгромили тысячу

кибитокъ, забрали 1.000 человѣкъ въ плѣнъ, 2.000 лошадей, 5.000 скота. Остатки татаръ ушли въ горы.

Сѣвши въ пустынной землѣ подъ выстрѣлы и набѣги кавказцевъ, черноморцы оживили край, образовали 40 куреней или станицъ, воздѣлали землю и постепенно замирили край. На сторожевую линію они выѣзжали далеко отъ своихъ станицъ въ укрѣпленія по 25-30 человѣкъ въ низовыхъ и по 50-60 въ верховыхъ. Укрѣпленіе состояло изъ хаты, окруженной рвомъ и обсаженной колючимъ кустарникомъ. Между этими укрѣпленіями были разсыпаны маленькіе окопы съ вышками. Съ самаго утра сторожевой поднимался на вышку и зорко глядѣлъ на Кубань. Съ наступленіемъ сумерекъ спѣшенные казаки расходились по берегу и залегали въ опасныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, по прибрежнымъ тропинкамъ сновали конные разъѣзды. Такъ что всю ночь линія жила при всякой погодѣ и времени года. Къ тому же при Госуд. Екатеринѣ II, Госуд. Павлѣ I и Госуд. Александрѣ I черноморцамъ позволяли только защищаться. Даже плѣнныхъ и свой скотъ казаки не могли отбивать на другой сторонѣ Кубани.

Какъ черноморцы прославились пластунствомъ, такъ линейцы своимъ удальствомъ и лихостью на лошади. Они и линію защищали и занимались хлѣбопашествомъ и винодѣліемъ. «Гдѣ виноградная лоза — тамъ и женская краса и мужская храбрость». Хозяйствомъ занималась казачка съ работникомъ нагайцемъ или чеченцемъ. А когда женщины работали, малолѣтки держали охрану на деревьяхъ. Казакъ же бывалъ всегда на походѣ. Но въ отсутствіе казаковъ, казачкамъ приходилось и защищаться. Нерѣдки бывали такіе случаи: горцы, узнавши, что казаки гдѣ-то далеко на походѣ, напали на линію, но были отбиты. Тогда они повернули на станицу волгскихъ казаковъ. Ихъ встрѣтили залпомъ, и даже пушка выстрѣлила. То казачки, нарядившись въ папахи, башлыки и бурки, высыпали съ подростками на валъ.

Первоначально всѣ казачьи войска (правда, слово это должно быть примѣнимо съ большой натяжкой къ тому времени) походили нѣкоторымъ образомъ на Запорожскую Сѣчь, т. е. это были чисто военныя дружины. Между тѣмъ, какъ Запорожская Сѣчь закостенѣла въ своемъ первобытномъ видѣ, вслѣдствіе чего она должна была исчезнуть, когда закономѣрность жизни предъявила свои права, — всѣ прочія казачьи общины видоизмѣнялись по духу времени и превратились въ войска военныхъ поселенцевъ. Казаки стали обзаводиться семьями. Сперва женъ брали изъ плѣнницъ, а затѣмъ появились и русскія женщины. Примѣнимо къ обстоятельствамъ, жизнь была простой. Женихъ и невѣста выходили на площадь, молились Богу, затѣмъ кланялись всему честному народу, и тутъ же женихъ объявлялъ имя своей будущей жены, а обращаясь къ ней, говорилъ: «Будь же ты моей женою». Первая церковь въ Черкасскѣ была построена только въ 1660 году. Очень часто къ старости, если случилось дожить, казаки уходили въ скиты спасаться. Ребята самаго нѣжнаго возраста посвящались въ казаки. Уже на сороковой день отецъ надѣвалъ сыну саблю, подстригалъ волосы въ кружокъ, сажалъ на коня и, возвращая его матери, говорилъ: «Вотъ тебѣ казакъ». Когда-же прорѣзывались зубы, ребенка везли верхомъ въ церковь и служили молебенъ Іоанну Воину о дарованіи храбрости. Въ три года мальчикъ ѣздилъ на лошади по

двору, въ пять уже скакалъ по улицѣ, а съ 15-16 лѣтъ становился казакомъ.

Несмотря на вольницу, жили строго по правиламъ вѣры. Наложничество запрещалось общественнымъ мнѣніемъ. Но по причинѣ постоянныхъ войнъ и набѣговъ, семейная и общественная жизнь была въ самомъ зародышѣ. Поэтому пополненіе происходило за счетъ пришельцевъ съ Руси, тѣмъ болѣе, что голытьба была безсемейная. Къ тому же не было хозяйства, ибо до самаго конца XVII-го вѣка запрещалось пахать землю «а буде кто пахать и сѣять, того казнить смертью» Но все же съ теченіемъ времени, а главное передъ вѣчной опасностью, зарождалась общественность, и вмѣстѣ съ ней и нѣкоторые признаки государственности. Весною собирались въ главный городокъ большимъ станомъ; на площади избирали атамана, въ помощь ему двухъ есауловъ, хорунжаго и войскового писаря. Атаманъ подчинялся кругу, а на походѣ имѣлъ право жизни и смерти надъ казаками. Кругъ былъ судомъ, но при большихъ разногласіяхъ зачастую обращались въ Москву, рѣшеніе которой приводилось къ исполненію.

Были-ли казачьи войска въ тѣ времена, когда жили вдали отъ государства, какъ таковаго, и внѣ досягаемости его власти, — особенными, вполнѣ опредѣленными единицами или, какъ утверждаютъ самостійники, даже государственными образованіями? Какъ увидимъ ниже, они не только отдѣльныхъ образованій, но и точно опредѣленныхъ единицъ не представляли, пока государственная власть не могла, или не хотѣла вовлечь ихъ въ круговоротъ общей жизни. Но, такъ какъ казачество могло образоваться только при наличіи за спиной сильнаго государства, черезъ него и изъ него, то и вполнѣ понятно, что оно вошло въ общій круговоротъ, когда того потребовала жизнь, никогда не теряя съ центромъ связи, которая только крѣпла со временемъ.

Даже не все казачество распредѣлялось по войскамъ или принадлежало къ нимъ. Въ до-Петровской Руси войскъ, какъ мы привыкли ихъ понимать, не существовало. Были зародыши, ядра въ опредѣленныхъ мѣстахъ, вокругъ нихъ иногда сгущалась, иногда таяла казачья масса, кочуя, по желанію отъ Днѣпра до Урала; и только со вмѣшательствомъ государства установилась опредѣленная форма. Такъ, напримѣръ, на Дону, гдѣ больше всего проявилась казачья общественность, уже въ XVIII-омъ вѣкѣ войско составляли только «домовые» казаки городка Черкасска, состоявшаго изъ 11 станицъ-поселеній. Остальное казачество къ войску не принадлежало, ибо они сегодня здѣсь, а завтра уже въ другомъ войскѣ. Но и ядра казачьи сами не имѣли устоевъ государства: 1) — не было опредѣленной территоріи; 2) — опредѣленного населенія, по личному желанію уходили, новые приходили — не было подданства; 3) — ни государственного, ни гражданского права; 4) — ни опредѣленныхъ обязанностей по отношенію къ государству; 5) — ни налоговъ, ни податей; 6) — ни государственныхъ учрежденій; 7) — ни казны; 8) — ни даже церквей. Отдѣльно или вмѣстѣ каждый промышлялъ для себя. Войскомъ считались «служилые» казаки, т. е. получавшіе свою долю изъ царского жалованья. Это были домовые казаки, остальное голытьба-перекати-поле. Такъ, напримѣръ, уже въ 1791 году впервые были записаны обычаи Донского войска. Грамотой 1793 года за нимъ закрѣплялась

земля, а въ 1795 году только были обозначены межи съ сосѣдними областями. И только домовые казаки принимали участіе въ дѣлахъ Круга. Въ походахъ же участвовали всѣ казаки по желанію. А мирные жители, не воевавшіе, въ кругѣ тоже не принимали участія, но вмѣстѣ съ тѣмъ были совершенно свободными. При большихъ походахъ войско набиралось изъ охотниковъ по всему Югу, изъ запорожцевъ, донцовъ, терцевъ и уральцевъ. Строгаго разграниченія между войсками не было. А исторія приписывала походъ тому войску, чей атаманъ набиралъ вольницу.

По мѣрѣ того, какъ государство продвигалось къ югу, казачество все болѣе и болѣе втягивалось въ круговоротъ его жизни, связь крѣпла, и, въ концѣ концовъ, оно прочно вошло въ составъ государства.

Такъ Царь Иванъ Грозный въ 1552 году пожаловалъ рѣку Донъ казакамъ за участіе во взятіи Казани, а въ 1570 г. онъ имъ писалъ, чтобы они слушались его посла во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ «тѣмъ бы вы намъ послужили, а мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ». Слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, какъ Ермакъ Тимофеевичъ билъ челомъ царю и просилъ его принять Сибирь, чтобы на этомъ останавливаться. Своими грамотами Царь Федоръ Ивановичъ предписывалъ казакамъ провожать его пословъ отъ Ряжска до Азова, а равно и турецкихъ, за что казаки получали селитру, свинецъ, сукна и запасы. Помимо того, «легкія станицы» — небольшіе отряды по нѣскольку разъ въ году посылались въ Москву съ донесеніемъ о положеніи на границѣ. А каждую зиму отправлялись такъ называемыя «зимовыя станицы» за жалованьемъ. Донъ получалъ жалованье съ 1613 по 1809 гг. При Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ онъ получалъ 2.000 р., 400 четвертей хлѣба, 50 ведеръ вина, 40 пудовъ пороху, 40 пудовъ свинцу, и сукна 40 поставокъ. А въ грамотахъ Михаилъ Федоровичъ предписывалъ: «въ море на грябежъ не ходите и тѣмъ насъ съ турецкимъ султаномъ не ссорьте. Послушаетесь, тѣмъ службу прямую намъ покажете. Если же, паче чаянія, и послѣ сего нашему дѣлу съ турками какую поруху учините, опалу на васъ наложимъ, въ Москву для ласки никогда не призовемъ, пошлемъ на васъ рать, велимъ на мѣсто вашего Раздора поставить свою крѣпость, изгонимъ васъ съ Дону». Онъ пожаловалъ Дону перначъ, насѣку, бунчукъ, знамена станичныя и полковыя.

Домовые казаки къ голосу Москвы прислушивались. Имъ не было безразлично мнѣніе о нихъ въ Москвѣ. Такъ на кругу сѣтовали царскому послу Лазареву, почему онъ жаловался на нихъ въ Москву, что онъ «на нихъ къ Государю писалъ ихъ первое въ пріѣздѣ непослушаніе, и за то де твое письмо атаману нашему станищному на Москвѣ выговоры были большіе». Царскіе послы пріѣзжали на Донъ не какъ въ чужую страну, созывали кругъ и передавали наказы Государя, которые обыкновенно начинались такъ: «Великій Государь и васъ, атаманы и казаки, и все Донское войско за вашу къ нему вѣрную службу жалуетъ, милостиво похваляетъ и велѣлъ васъ, атамановъ и казаковъ спросить о здоровьѣ». . Жаловать можно только тѣхъ, кто состоитъ на службѣ. И казаки находили это вполнѣ естественнымъ. А при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Донъ присягнулъ на вѣрность Москвѣ. Затѣмъ ужъ бывали приказы присягать новому царю — «войсковыя о послушаніи грамоты».

Когда Москва находила нужнымъ для подкрѣпленія казаковъ въ борьбѣ со степью, она позволяла имъ принимать къ себѣ бѣглыхъ, а иногда же требовала ихъ выдачи — приказъ Петра I въ 1705 году. Въ трудныя минуты казаки сами обращались къ Москвѣ. Въ 1687 году пожаръ уничтожилъ запасы въ Черкасскѣ, войско обратилось къ Цярямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ: «Отъ раззоренія многіе люди разошлись; мы же на острову удержались, окопались землею, живемъ въ великой тѣснотѣ и терпимъ всякую нужду и голодъ, и вамъ, великимъ государямъ, служимъ неизмѣнно». Въ это время они выдержали нападеніе азовцевъ. Въ 1690 году донцы отомстили калмыкамъ за набѣгъ. Астраханскій воевода отнялъ у нихъ плѣнныхъ и добычу. Поэтому поводу они жаловались Царю Петру I: «укажи, государь, воеводѣ, чтобы онъ не называлъ все войско измѣнниками и отдалъ бы намъ ясырь; не выдавай насъ въ посмѣшище и порицаніе». Царь Петръ наградилъ участниковъ похода противъ калмыковъ.

Изъ сношеній казаковъ съ Москвою явствуетъ, что ни Москва казаковъ, ни они сами себя не разсматривали, какъ самостоятельное государственное образованіе. А далѣе мы увидимъ, что казачьи войска ни въ коемъ случаѣ не отдѣльныя народности — это русскіе люди — плоть отъ плоти, кровь отъ крови русскаго народа, сохранившіе даже обычаи и укладъ жизни, вынесенные ими изъ самой Руси.

Дѣятельность Великаго Преобразователя не могла не отразиться на укладѣ казачьей жизни, разъ общерусская жизнь была затронута во всѣхъ ея уголкахъ. Государство расширилось и почти достигло на югѣ своихъ границъ. Оно шагнуло уже на Прутъ, Азовъ и Дербентъ, обхвативъ такимъ образомъ казачьи земли, которыя, войдя въ составъ государства, этимъ самымъ очутились въ круговоротѣ общегосударственной жизни. Съ этого времени связь стала замѣняться спайкой.

Царь Петръ I потребовалъ отъ казаковъ большей службы и поэтому жалованье увеличилъ. Такъ Донъ сталъ получать 5.000 рублей, 6.500 четвертей хлѣба, 500 ведеръ вина, 230 пудовъ пороху, 115 пудовъ свинцу, 10 пудовъ желѣза и 430 поставокъ сукна. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть государства усиливалась въ казачьихъ земляхъ, гдѣ, совмѣстно съ развитіемъ русской жизни, происходили преобразованія, сперва на Дону, но затѣмъ распространившіяся на всѣ войска. Нѣкоторое исключеніе составило уральское, сохранившее кое-какія свои особенности.

Съ 1700 года по 1718 годъ Царь Петръ утверждаетъ выборы атамана. Съ 1703 года сношеніе съ Дономъ происходитъ черезъ Азовскаго, а затѣмъ Воронежскаго воеводъ, уполномоченныхъ по пограничнымъ дѣламъ. Въ 1711 году, послѣ Прутскаго мира, при Запорожскомъ Гетманѣ учреждена коллегія изъ шести офицеровъ по назначенію, безъ которой онъ не могъ принимать рѣшеній. Въ 1715 году Донъ избралъ атаманомъ Фролова и «просилъ для подтвержденія того себѣ указу, понеже имъ безъ войскового атамана пробыть невозможно». Царь Петръ имъ отвѣтилъ:... «указали мы, Великій Государь, на Дону у васъ войсковымъ атаманомъ быть тебѣ, Василію Фролову, по выбору всего войска донского». А въ 1718 году онъ утвердилъ «по выбору всего войска... впредь до нашего, Великаго Государь, указа безвременно». Въ 1721 году казачьи войска переходятъ въ вѣдѣніе военной коллегіи. Въ 1753 году атаманъ Данила Ефремовъ былъ про-

изведенъ въ армейскіе генералъ-маіоры. Въ 1775 году при донскомъ атаманѣ уже коллегія изъ шести человѣкъ и учреждено «Войсковое Гражданское Правительство», которому ввѣрено «все хозяйственное въ предѣлахъ Войска Донского внутреннее распоряженіе»... Но... «всѣ, до промысловъ, торговли и протчія гражданскому суду подлежащія дѣла производить на генеральномъ во всемъ государствѣ установленіи и съ соблюденіемъ данныхъ оному войску привилегій». Въ 1791-96 гг. гражданскія судебныя дѣла переходятъ къ Сенату. Съ 1827 г. Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ становится Наслѣдникъ. Этимъ подчеркивалось огромное государственное значеніе казачества. Положеніемъ 1835 года предписывалось «неусыпное наблюденіе, чтобы не были нарушаемы и ослабляемы дарованныя казачеству привилегіи и преимущества». Но атаманы приравнивались къ генералъ-губернаторамъ, и по существу были введены почти всѣ губернскія учрежденія, называвшіяся войсковыми, — хотя на должности войсковые чины выбирались донскимъ дворянствомъ. До этого узаконенія на Дону было 8-11 десятинъ въ надѣлѣ, а послѣ — 30 десятинъ на урядника и казака. Въ 1842 г. это положеніе распространилось и на Кубань, а позднѣе и на другіе войска; въ 1860-70 гг. подчиненіе казаковъ центру въ дѣлѣ управленія суда и полиціи. Въ концѣ концовъ было учреждено Главное Управленіе Казачьихъ Войскъ при Военномъ Министерствѣ.

Плехановъ писалъ въ 1878 г., побывавъ на Дону: «вся русская исторія ничто иное, какъ непрерывная борьба государственности съ автономнымъ стремленіемъ общины». Если бы Плехановъ познакомился съ исторіей образованія другихъ государствъ и немного пораз мыслилъ, то онъ видѣлъ бы, что русская государственность вела съ общиной менѣе ожесточенную борьбу, чѣмъ на Западѣ. Всѣ государства складывались изъ общинъ. Поэтому борьба была неминуема. При образованіи государства общины должны были слиться настолько, чтобы составить однородное цѣлое, не только механически, но даже и химически. Иначе оно было бы нежизненно.

Само собою разумѣется, что казачьи земли, вошедшія въ составъ государства, а Донское Войско даже опереженное Ставропольской губерніей, не могли не подчиниться общему закономѣрному ходу внутренняго устройства. Донское Войско, первое пріобщившись къ государству, увидѣло у себя зачатокъ даже крѣпостничества и разслоеніе казачества на сословія, къ счастью это не развилось за недостаткомъ времени. Въ прочихъ же войскахъ начало только зарождаться высшее сословіе, впрочемъ на казачью жизнь вліянія не имѣвшее.

Такимъ образомъ, казачество является заставой, выдвинувшейся вольно, стихійно, а затѣмъ руководимой и, какъ увидимъ ниже, питаемой государствомъ.

Въ этомъ отношеніи поучительно прослѣдить зарожденіе отдѣльныхъ войскъ, хотя бы въ грубыхъ чертахъ.

Говоря о государственномъ значеніи казачества, мы находимъ невозможнымъ не распространиться немного о Запорожскомъ войскѣ. При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что оно принимало мало участія въ русской жизни, да и то подъ конецъ своего существованія. Но на самомъ дѣлѣ оно отстаивало и сохраняло русскость и православіе въ Западной Руси, можно сказать, съ XIV-го по XVIII-ый вѣкъ, т. е. со времени присоединенія русско-литовскихъ земель къ

Польшѣ. Здѣсь борьба была болѣе упорная и жестокая не на окраинѣ съ кочевниками, а внутри государства, старавшагося ополячить и окатолить Западную Русь. А посему его заслуга передъ русскимъ государствомъ болѣе значительна, чѣмъ заслуга остального казачества. Ибо ему пришлось вести борьбу съ двухъ сторонъ, безъ посторонней поддержки. Его же походъ въ польскомъ войскѣ на Москву въ Смутное время не является казачьимъ походомъ. Вѣдь, оно входило въ составъ польского войска, призваннаго на помощь московской знатью, желавшей посадить въ Москвѣ королевича Владислава. Такъ что его участіе въ смутѣ проявилось на сторонѣ одной изъ боровшихся тогда силъ: 1) удѣльное крамольное боярство, которое послѣ смерти Царя Ивана Грознаго, его врага, хотѣло возстановить свои преимущества; оно было настроено противогосударственно; 2) помѣстное новое дворянство — служилые люди, поддерживаемые въ свое время Годуновымъ въ противовѣсъ крамольной знати; 3) тяглое населеніе, которое уже чувствовало на себѣ звенья сковывающей его цѣпи крѣпостничества.

Равнымъ образомъ — вопросъ, какое войско болѣе старое: Донское или Запорожское и, сдѣловательно, Кубанское, какъ преемникъ послѣдняго, является спорнымъ. И едва ли возможно его разрѣшить.

Нашествіе татаръ раздѣлило Русь, а съ ней вмѣстѣ и казачество. Но казачество являлось единственнымъ звеномъ, соединявшимъ Западную и Восточную Русь до ихъ объединенія.

Надо считать, что и въ Западной Руси казачество не прекращалось. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ XIV-го вѣка (времени присоединенія русско-литовскихъ земель въ Польшѣ) оно стало усиливаться, особенно въ XV-мъ вѣкѣ со введеніемъ крѣпостничества. Одно изъ первыхъ извѣстій о казакахъ говоритъ, что они участвовали въ 1410 году въ походѣ съ поляками противъ Тевтонскаго ордена. А въ 1540 году Сигизмундъ пожаловалъ имъ земли выше Днѣпровскихъ пороговъ, и въ это же время, приблизительно были образованы 10 полковъ по 2.000 человѣкъ. Но вскорѣ они перешли въ Запорожьѣ, гдѣ ядро укрѣпилось на островѣ Хортицѣ. По свѣдѣніямъ Военнаго Министерства Запорожская Сѣчь была заложена въ 1550 году.

Приливъ въ южныя степи усилился послѣ Люблинской уніи въ 1569 году, по которой русскія земли русско-литовского княжества отошли къ Польшѣ, что вызвало много перемѣнъ въ государственномъ, хозяйственномъ и общественномъ строѣ русскихъ областей. Русское право было замѣнено польско-нѣмецкимъ, русскій языкъ изгнанъ изъ государственныхъ учрежденій, православная церковь преслѣдуема. Безграничныя степи по Бугу, Днѣстру и Днѣпру стали быстро заселяться русскими выходцами изъ Польши, Литвы и Галиціи, которые толпами бѣжали отъ государственнаго и хозяйственнаго гнета. Къ этому прибавилось жестокое преслѣдованіе православія польскими іезуитами. Къ тому же магнаты, получая въ награду земли на югѣ, сажали на нихъ своихъ крѣпостныхъ. Но бѣглая вольница уходила еще дальше на югъ. Государственная власть не противилась, видя въ этомъ созданіе живой заставы отъ набѣговъ татаръ и турокъ. Но всегдашнія государственная незрѣлость, нетерпимость и звѣрство поляковъ толкнули впослѣдствіи эту заставу на борьбу съ государствомъ.

Бѣжали все большей частью крѣпостные, положенiе которыхъ стало невыносимо, когда къ польскому или ополячившемуся (литовцу) магнату и латинскому миссiонеру присоединился третiй бичъ (самый ужасный) — еврей арендаторъ, кому магнатъ сдавалъ въ аренду не только свое помѣстье, право рыбной ловли, охоты, дороги и шинки, но и передавалъ православные храмы. Такъ что православный крестьянинъ не могъ ни жениться, ни крестить своего ребенка, ни быть похороненнымъ безъ разрѣшенiя нехриста къ доступу въ свой храмъ (Такъ пишетъ французскiй представитель при дворѣ Екатерины II въ своихъ «Лѣтописяхъ Малой Руси», изданныхъ въ Парижѣ въ 1786 году). Русскiй крестьянинъ находился во власти еврея-арендатора со дня своего рожденiя до смерти. И этотъ арендаторъ не стѣснялся пользоваться своими правами, а зачастую и злоупотреблялъ ими, платя за то польскимъ магнатамъ.

Знамя открытой борьбы было поднято Запорожскими казаками. А въ XVII-омъ вѣкѣ къ нимъ присоединилось все малороссiйское казачество, поднявшееся, главнымъ образомъ, на защиту православiя, которое находилось въ опасности, въ особенности послѣ собора въ Брестѣ въ 1596 году, гдѣ часть православного духовенства примкнула къ католической церкви, образовавъ новую унiатскую церковь, ставшую государственной въ Малой Руси и покровительствуемую Рѣчью Посполитой въ то время, какъ православной церкви грозила опасность прекратить свое существованiе за неимѣнiемъ епископовъ для рукоположенiя священнослужителей. Тогда запорожскiй гетманъ Сагайдачный возстановилъ въ 1620 году православную iерархiю. А въ 1625 г. Кiевскiй Митрополитъ выпустилъ воззванiе къ казакамъ, прося ихъ стать на защиту православной церкви и ея пастырей. Это воззванiе дало начало той ужасной бойнѣ казаковъ, поддерживаемыхъ всей Малой Русью, съ поляками, которые своими жестокостями превзошли всѣхъ азiатскихъ кочевниковъ, — бойнѣ, продолжавшейся цѣлый вѣкъ. Лѣтопись объ этомъ говоритъ, что въ Варшавѣ послѣ усмиренiя 1637 г. «...нѣкоторые погибли отъ колесованiй, нѣкоторые же отъ пытокъ, которыхъ бы не могли придумать самые жестокiе дикари... нѣкоторыхъ подвѣшивали на длинныхъ гвоздяхъ, разрывавшихъ тѣло; иные же были разсѣчены на части. Ничто не могло поколебать звѣрства поляковъ. Они даже жарили маленькихъ дѣтей на рѣшеткахъ или, посадивъ ихъ на колъ, сжигали на кострахъ. А тѣхъ, кто не погибъ отъ погрома, обращали въ рабство. Даже храмы не были пощажены, ихъ оскверняли, а священные сосуды продавали евреямъ». То же самое, что теперь дѣлаютъ большевики.

Въ то время, къ счастью, Рѣчь Посполита разлагалась отъ охватившей ее анархiи. Государственная власть была совершенно безсильна передъ магнатами. И когда казаки обратились къ королю Владиславу въ 1647 году съ просьбой защитить населенiе отъ произвола магнатовъ, онъ отвѣтилъ: «Если вы храбрые казаки, защищайтесь сами; у васъ есть сабли и сила». Съ этого началось извѣстное возстанiе Хмельницкаго. Вся Малая Русь поднялась съ нимъ, такъ какъ онъ объявилъ, что идетъ на защиту Русской Земли и православной вѣры. Даже Вселенскiй Патрiархъ прислалъ ему шпагу въ знакъ того, что онъ (Хмельницкiй) «предпринялъ защиту греческой вѣры». Въ нѣсколько мѣсяцевъ Хмельницкiй захватилъ всю Малую Русь и, не бу-

дучи въ состояніи долго сопротивляться полякамъ, просилъ московскаго царя принять ее «подъ свою высокую руку». Но московскіе дипломаты слишкомъ долго колебались, боясь новой войны съ Польшей. И, когда въ 1654 г. былъ заключенъ Переяславскій договоръ, у Хмельницкаго остался только лѣвый берегъ Днѣпра съ Кіевомъ на правомъ. Подъ покровомъ Москвы эта часть Малой Руси, недоступная полякамъ, быстро заселилась и расцвѣла. Между тѣмъ, какъ правый берегъ, будучи еще долгое время полемъ борьбы казаковъ, поляковъ и татаръ, представлялъ пустынныя степи до присоединенія всей Малой Руси къ Великой.

Во время борьбы съ Польшей, казаки переходили на Московскія земли. Такъ еще въ 1640 г. перешедшіе образовали Слободскую Украину изъ полковъ : Сумского, Ахтырскаго, Изюмскаго, Харьковскаго, Полтавскаго и др. Въ 1686 г. Польша признала за Москвой казацкія земли. Въ дальнѣйшемъ малороссійское казачество принимало участіе въ жизни русскаго государства. Послѣ Прутскаго мира въ 1711 г. изъ украинскихъ казаковъ было выдѣлено малороссійское войско въ нынѣшнихъ Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ. Послѣ Ништадскаго мира 1721 г. всѣ украинскія войска присягнули на вѣрность царю Петру, а къ 1750 году, въ степяхъ между Запорожьемъ и Чернымъ моремъ сидѣло 50 тысячъ мирныхъ поселенцевъ. Такъ что Запорожье осталось сзади. И послѣ занятія всего сѣвернаго побережья Чернаго моря, оно потеряло смыслъ своего существованія, какъ застава. Защищать окраину государства отъ набѣговъ не было надобности, а постоянныя нападенія казаковъ на Турцію вредили упроченію мира. Екатерина II не разъ просила запорожцевъ остепениться, перестать бродяжничать, пожениться и осѣсть на землю, т. е. изъ вольницы-голытьбы стать домовыми казаками, какъ то было въ другихъ войскахъ. Запорожцы противились этому, больше того, они препятствовали заселенію нижнеднѣпровскихъ степей, считая ихъ своей вотчиной для охоты. Все это вмѣстѣ взятое и заставило правительство принять общегосударственную мѣру, а именно, указомъ 1775 г. уничтожалась Сѣчь. Въ указѣ, между прочимъ, говорилось: «мы не станемъ упоминать здѣсь о жалобахъ, приносимыхъ къ Нашему трону сосѣдними государствами на побѣги и грабежи, что запорожцы учиняютъ постоянно по границѣ... и о насиліяхъ, совершаемыхъ ими надъ своими соотечественниками, нашими подданными». По разрушеніи Сѣчи 5.000 казаковъ ушли въ Турцію, а главная часть вскоро сти была переселена на Кубань.

Исторія Донского войска хорошо знакома, чтобы о немъ много распространяться. Наша задача показать только, что оно образовалось изъ русскихъ людей, и что не только смѣшно, но и преступно утверждать о какой-то особой донской народности или казачьей вообще.

Когда зародилось Донское войско, трудно установить. Извѣстно только, что въ Куликовской битвѣ 1380 г. участвовали Донскіе казаки, а гдѣ они жили, о томъ ничего не извѣстно. Въ 1388 г. митрополитъ Пименъ совершилъ путешествіе по Дону «по великой пустынѣ». А въ 1476 г. монахъ Кастарини пересѣкъ степи между Дономъ и Волгой и встрѣтилъ первое поселеніе только подъ Казанью. Въ документахъ о Донскихъ казакахъ впервые упоминается въ 1551 г., когда турецкій султанъ жаловался Царю Ивану Грозному на ихъ нападеніе на Крымъ

Хотя въ казаки на Донъ шли безпрерывно, и «вольная сиротская дорога» никогда не заростала, но исторіей не отмѣчены различныя стадіи образованія и роста Донского войска. То, что многочисленныя озера Донской области назывались встарь «Ильменями», даетъ право предполагать, что туда были выселены многіе мятежники изъ Новгорода и Пскова послѣ ихъ присоединенія къ Московскому княжеству. На Донъ вела не дорога, а широкій шляхъ: туда бѣжали «холопы отъ господъ, приказчики отъ хозяевъ, отъ долговъ, стрѣльцы и воины отъ службы, а раскольники отъ преслѣдованія». Всѣ знали, что съ Дону выдачи нѣтъ. Первымъ поселенцамъ туго приходилось, часто скрывались они въ степи, кормились ягодами и пили воду изъ лужъ. Неизвѣстно когда осѣли въ Раздорахъ при сліяніи Донца съ Дономъ и обнесли частоколомъ, устроивъ что-то въ родѣ крѣпости, служившей убѣжищемъ. Ниже по Дону въ Черкасскихъ юртахъ обосновались Запорожцы, которыхъ тогда называли Черкассами. Такимъ образомъ зародилось ядро войска. Въ него очень много вливалось новыхъ пришельцевъ, и оно быстро росло. Такъ въ 1708 г. было 28.500 казачьяго населенія мужского пола, а всего, значитъ, около 60 тысячъ; въ 1785 г. было уже смѣшаннаго населенія 200 тысячъ. Но иногороднихъ тогда было слишкомъ мало. Слѣдовательно ростъ происходилъ за счетъ пришельцевъ-казаковъ.

Образованіе Кубанскаго войска гораздо сложнѣе, хотя оно продолжалось какихъ-нибудь 80 съ лишнимъ лѣтъ. Начало же его ведется отъ Хоперскаго полка, принимавшаго участіе во взятіи Азова въ 1696 г. Въ 1775 г. этотъ полкъ съ 200 семействъ Саратовскихъ крестьянъ былъ поселенъ по линіи ниже Царицына, а въ 1777 г, онъ вмѣстѣ съ Волгскимъ полкомъ былъ переведенъ на Кавказскую линію, укрѣпленную Потемкинымъ въ 1777-78 гг. отъ Черкасска до Моздока.

Послѣ разрушенія Сѣчи Потемкинъ собралъ въ 1787 г. всѣхъ оставшихся запорожцевъ и образовалъ «войско вѣрныхъ казаковъ», отличившихся въ турецкихъ войнахъ, особенно при взятіи Очакова, за что получившихъ названіе «Черноморскихъ», и крѣпости Измаила. Послѣ этого имъ отвели земли между Бугомъ и Днѣстромъ. По смерти Потемкина ихъ перевели на Кубань въ 1792 г. *) и поселили отъ Тамани до Устья Лабы (гдѣ русскіе впервые появились еще въ 965 году при Святославѣ). За два года туда переселилось съ семьями 20.000, занявшихъ Черноморскую линію на 260 верстъ, состоявшую изъ 60 постовъ и 100 пикетовъ, Въ 1794 г. на кавказскую линію были переведены Донскіе казаки, образовавшіе съ отставными солдатами кубанскій полкъ. Въ 1802 г. туда приселили изъ Екатеринославской губерніи бѣглыхъ крестьянъ и старообрядцевъ.

Началась ожесточенная борьба съ горцами. Казаки таяли, какъ снѣгъ. Для ихъ усиленія все время вселяли новыхъ. Такъ въ 1809- 11 гг. переселили на Черноморскую линію 41.534 человѣка (22.206 мужчинъ); 1821-25 гг — 48.392 (25.627 мужчинъ); 1848-49 гг. — 14.227 (7.767 мужчинъ) изъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній. Такимъ

---

*) На пріемѣ кошевой Головатый говорилъ Госуд. Екатеринѣ II: «... мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе тебѣ, любовь къ отечеству пребудутъ вѣчны, чему свидѣтель всемогущій Богъ».

образомъ за сорокъ лѣтъ пришло болѣе 100.000 для пополненія Черноморскаго войска. Еще въ 1832 г. было образовано отъ Лабы до Каспійского моря линейное войско, въ которое вошло 31 селеніе Ставропольской губерніи, изъ которыхъ 12 были позднѣе расказачены. Въ 1860 г. было учреждено Кубанское войско изъ черноморцевъ и шести бригадъ линейного войска (кавказской, кубанской, ставропольской, хоперской, урупской и лабинской).

Внутри войска тоже все время шли перемѣщенія по мѣрѣ того, какъ линія продвигалась къ югу. А послѣ 1862 г. на юго-западъ Кубанскаго края въ четыре года переселили 11.500 семействъ кубанцевъ, 1.065 семей азовцевъ и донцовъ, 2.000 семей государственныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, 600 семей-солдатъ кавказской арміи. Были даже терцы и уральцы. Какъ видимъ, кубанское войско составилось именно изъ русскаго народа. Это подтверждаетъ и названіе нѣкоторыхъ станицъ, гдѣ живутъ потомки переселенныхъ туда крестьянъ: Паховская, Черниговская, Воронежская, Тверская, Рязанская, Костромская, Калужская, Пензенская и Саратовская.

По южной границѣ Рязанской земли сидѣли казаки въ волости Червленый Яръ. Когда она была около 1540 г. присоединена къ Москвѣ, то казаковъ хотѣли перевести на Суздальскую линію. Но они (съ семействами около 4.000 человѣкъ) ушли Дономъ до царицинской переволоки, а оттуда Волгой и Каспійскимъ моремъ до устья Терека и сѣли по правому берегу Сунжи, гдѣ поставили городки Червленый, Шадринскій, Кордюковскій, Старогладковскій и Новогладковскій по гребню; откуда и ихъ названія «гребенскіе казаки». Запуганная татарами Кабарда увидѣла въ нихъ своихъ избавителей и отправила къ молодому Царю Ивану Васильевичу посольство, въ которомъ были и казаки, просить принять ее подъ свое покровительство. Иванъ пожаловалъ казаковъ рѣкою Терскомъ со всѣми его притоками. Послѣ женитьбы царя Ивана Грознаго на кабардинской княжнѣ, Кабарда просила его послать къ ней свои войска. Царскіе воеводы построили укрѣпленія Терки въ 1577 г. (начало Терского войска) при сліяніи Сунжи и Терека. Послѣ взятія Астрахани городокъ былъ переведенъ къ устью Терека въ 1586 г. Но Кабарда упросила оставить укрѣпленія, куда позвала еще волжскихъ казаковъ. Татарскій шамхалъ разгромилъ его. Казаки разошлись по старымъ городкамъ. Самъ кабардинскій князь Мамсрюкъ съ тремя сотнями волжской вольницы перешелъ въ Новыя Терки, гдѣ подъ нарядомъ царскихъ воеводъ вмѣстѣ съ вновь прибывшей волжской и яицкой вольницей и плѣнными изъ ливонскихъ и литовскихъ земель, образовали Терское войско. Послѣ двухъ походовъ въ 1594 г. и 1604 г. и, особенно, набѣга кубанскаго Казы-Гирея, терцевъ осталась третья часть. Въ 1680 г. съ Дону пришло 1.500 казаковъ-раскольниковъ, поселившихся на Кумѣ. Затѣмъ они перешли на Сулакъ. Часть изъ нихъ ушла на Кубань къ некрасовцамъ. Впослѣдствіи они съ гребенцами переселились на лѣвый берегъ Терека и поставили Червленый городокъ повыше устья Сунжи, а остальные четыре внизъ по Тереку на протяженіи 80 верстъ. Такимъ образомъ они объединились съ терцами. Въ 1763 г. была основана крѣпость Моздокъ, куда по линіи поселили 350 семей донцовъ и въ 1770 г. 500 семей волжскихъ. Помимо того, по линіи отъ Моздока до Ново-Георгіевска, вверхъ по Тереку и по верховьямъ Кумы, поселили 5.000 волжскихъ

казаковъ. Такимъ образомъ, въ 1774 г. была укрѣплена Терская линія. Въ 1811 г. было вселено еще 1.000 донцовъ при вновь построенной крѣпости Кизляръ. Наконецъ, въ 1831 г. были образованы два украинскихъ полка, впослѣдствіи переведенныхъ на Терекъ и составившихъ Владикавказскій полкъ. А въ 1860 г. было образовано Терское войско изъ Гребенскихъ, Терскихъ и пяти полковъ линейныхъ казаковъ.

Объ Уральскихъ, а сперва Яицкихъ, казакахъ извѣстно, что въ началѣ XVI-го вѣка они уже сидѣли на Уралѣ. Туда хлынула волна съ Волги и Дона послѣ усмиренія волжской вольницы въ 1577 г. воеводой Мурашкинымъ. Даже сами они назывались «донско-яицкими».*) Первый укрѣпленный городокъ Яикъ стоялъ при сліяніи Рубежи съ Ураломъ. Началомъ войска считается 1591 г., когда 500 яицкихъ казаковъ были посланы Москвой противъ татарского шамхала на Сѣверномъ Кавказѣ. Въ 1605 г. 500 казаковъ отправились походомъ на Хиву, разгромили ее, но вернулось только 3-4 человѣка. Борьба же главнымъ образомъ велась по границамъ съ остатками Золотой Орды, а впослѣдствіи съ киргизами, съ этими послѣдними втеченіе вѣка до ихъ присяги въ вѣрноподданствѣ Царю Николаю Павловичу. Въ концѣ-концовъ, татары разгромили городокъ Яикъ. Настала пора ужасныхъ бѣдствій для казаковъ. Они обратились въ 1619 г. къ Царю Михаилу Федоровичу за помощью. Онъ пожаловалъ ихъ рѣкою Ураломъ со всѣми притоками и угодьями съ дозволеніемъ «набираться на житье вольными людьми». На помощь были посланы воеводы, которые поставили крѣпость при устьѣ Урала, а городокъ Яикъ былъ перенесенъ на мѣсто нынѣшняго Уральска. Казакамъ стали выдавать жалованье оружіемъ и порохомъ. При Царѣ Петрѣ I перепись дала 3.200 казаковъ. Атаманъ былъ уже назначенъ, а вмѣстѣ съ нимъ и жалованье въ 1.500 рублей на войско и по осьминѣ хлѣба на каждаго. Послѣ пугачевскаго бунта войско было переименовано въ Уральское и подчинено Оренбургскому губернатору. Но съ 1775 г. вновь имѣло своего Наказного Атамана. Развиться уральское войско не могло, такъ какъ вскорости были выдвинуты заставы дальше въ Сибирь. Къ концу XIX-го вѣка имѣлось только 15.000 служилыхъ казаковъ.

Астраханскіе казаки тоже берутъ свое начало отъ рязанскихъ. При присоединеніи Рязанской земли къ Москвѣ, часть казаковъ спустились по Волгѣ и осѣли въ ея низовьѣ, куда къ нимъ присоединилось много бѣглецовъ послѣ взятія Астрахани. Въ концѣ царствованія Ивана Грознаго было образовано Астраханское войско. Послѣ набѣга кавказскихъ татаръ до Самары въ 1717 г. была укрѣплена Царицинская линія между Волгой и Дономъ, куда посадили малороссійскихъ казаковъ. Первый астраханскій полкъ былъ образованъ въ 1750 г., годъ начала войска. По усмиреніи Пугачевскаго бунта, волжское войско, состоявшее изъ Донскихъ и Малороссійскихъ казаковъ, сидѣвшихъ отъ Саратова до Царицына, было уничтожено. Часть была переведена на кавказскую линію, а часть присоединена къ Астраханскому войску, которое было преобразовано Потемкинымъ въ 1776 г. и уничтожено въ 1786 г., но вновь возрождено въ 1801 г. По тѣмъ же причинамъ, какъ и Уральское, оно развиться не могло.

---

*) На кругъ созывались такъ: «послушайте, атаманы-молодцы, все донско-яицкое войско. Не пейте зелена вина, ни дарового, ни купленнаго — заутра кругъ будетъ».

Зауралье было извѣстно русскимъ, какъ упомянуто выше, еще въ XI-XII в. Но его завоеваніе началось только съ XVI-го вѣка.

Въ 1555 г. татарскій князь Эдигеръ просилъ Ивана Грознаго принять Сибирское Царство подъ покровительство Москвы. Въ слѣдующемъ году туда были отправлены русскіе воеводы съ отрядомъ. Но въ 1563 г. Эдигеръ былъ свергнутъ Кучумомъ, который сталъ нападать на русскія окраины, особенно же на земли Строгоновыхъ. Что повлекло за собой хорошо извѣстный походъ Ермака Тимофеевича въ 1580 г., донского казака. Нельзя не отмѣтить, что такой государственной важности дѣло было совершено частными лицами по ихъ почину. Тѣмъ болѣе высока ихъ заслуга.

Въ 1581 г. Ермакъ взялъ городъ Сибирь, а два года спустя Царь Иванъ Грозный отправилъ отрядъ для принятія казачьяго подарка и занятія Сибирского Царства. Казаки же ушли, по своему обычаю, дальше вглубь. Въ 1584 г. былъ заложенъ городокъ Тюмень, въ 1587 г. Тобольскъ, въ 1592 г. построены остроги Березовъ и Сургутъ, въ 1604 г. Томскъ, 1616 г. Кузнецкъ, въ 1618 г. Енисейскъ, въ 1628 г. Красноярскъ, а въ 1631 г. казакъ Порфирьевъ построилъ городокъ уже на Ангарѣ, въ 1632 г. былъ основанъ Якутскъ, въ 1637-40 гг. казаки достигли уже Охотскаго моря, а въ 1644 г. Амура и Сахалина. Еще въ 1635 г. они дошли до Ледовитаго океана — былъ построенъ Олекминскъ, въ 1644 г. Нижне-Колымскъ. Въ 1648 г былъ возведенъ острогъ Баргузинскъ, а казакъ Дежневъ прошелъ до самой восточной точки Сибири — Восточнаго Мыса, почти за сто лѣтъ до Беринга, чьимъ именемъ этотъ мысъ неправильно названъ. Въ 1649 г Хабаровъ съ 70 казаками изъ Якутска прошелъ до Амура и Уссури и построилъ городокъ Хабаровскъ. Въ этомъ же году былъ построенъ Верхне-Удинскъ. Въ 1654 г. казакъ Байковъ достигъ пустыни Гоби. Въ 1656 г. былъ заложенъ Нерчинскъ, въ 1666 г. Селингинскъ и достигнута Китайская граница. Такимъ образомъ за одинъ вѣкъ казаки захватили всю Сибирь. А вѣкъ спустя, достигли Аляски и западныхъ береговъ Сѣверной Америки.

Въ южномъ направленіи они тоже продвигались, но гораздо медленнѣе. Наплывъ изъ туркестанскихъ степей киргизъ и калмыковъ принудилъ построить линію по Ишиму, Тоболу, и ихъ притокамъ, гдѣ въ 1647 г. одинъ изъ внуковъ соратниковъ Ермака укрѣпилъ монастырь Долматовъ на рѣкѣ Исети, и десять лѣтъ спустя построили городокъ Катайскъ. Въ 1720 г. былъ возведенъ Усть-Каменогорскъ, гдѣ поселили крестьянъ и зачислили въ казаки. Въ 1745 г. линія прошла по Иртышу до Кузнецка, куда перевели пять драгунскихъ полковъ, надѣленныхъ землей и зачисленныхъ въ казаки. Въ 1757 г. линія продвинулась до Усть-Каменогорска, въ 1781 г. она спустилась еще на 100 верстъ, куда въ 1797 г. было поселено 2.000 солдатъ, зачисленныхъ въ казаки. До начала XIX-го вѣка Сибирскіе казаки не составляли цѣлаго войска, раздѣляясь на городскихъ и линейныхъ. Только въ 1808 г. было образовано Сибирское войско. Въ 1822 г. часть изъ него расселилась вокругъ Акмолинска промежъ киргизъ. Впослѣдствіи казаки стали продвигаться южнѣе: въ 1831 г. былъ основанъ Сергіополь, въ 1841 г. Копалъ. А для усиленія войска въ 1845-56 гг. въ казаки были обращены 40 деревень, выселившихся изъ Россіи.

Праотцами оренбургскихъ казаковъ являются какъ самарскіе казаки, такъ и сибирскіе, сидѣвшіе съ XVII-го вѣка по рѣкѣ Исети,

противъ Киргизской орды. Въ 1734 г. часть Камскихъ казаковъ была переведена на линію отъ Верхняго Урала до Уя противъ башкиръ и киргизъ. Послѣ большого набѣга башкиръ въ 1736 г. линію эту сильно укрѣпили. А въ 1744 г. всѣ жители этой мѣстности и солдаты были зачислены въ казаки. Четыре года спустя было образовано Оренбургское войско, а въ 1755 г. назначенъ атаманъ. По Тоболу оно смыкалось съ Сибирскимъ, а по Исети и Илеку съ Уральскимъ. Въ 1765 г. къ нему приписали саратовскихъ и заволжскихъ крестьянъ, въ 1777 г. нѣсколько драгунскихъ полковъ и гарнизоновъ крѣпостей были посажены на землю и зачислены въ казаки. Въ 1796 г. туда перевели отрядъ даже Донскихъ казаковъ. Въ 1820 г. причислены къ Оренбургскому войску 300 семей Уфимскихъ казаковъ, въ 1834 г. четыре батальона Оренбургскаго гарнизона, въ 1840 г. 20.000 государственныхъ крестьянъ и 10.000 отставныхъ солдатъ. Такъ что къ 1848 г. войско имѣло уже 150.000 населенія.

Семирѣченское войско было выдѣлено въ 1860 г. изъ Сибирскаго къ югу отъ озера Балхашъ и причислено къ Туркестану.

Забайкалье было достигнуто въ 1643 г., а къ концу XVII вѣка тамъ уже было три городка и десять остроговъ съ казачьимъ населеніемъ въ 7.000, изъ которыхъ 3.000 служилыхъ. Только въ 1819 г. были образованы полки забайкальцевъ отдѣльно отъ Сибирскихъ. Въ 1851 г. образовано и само войско, куда вошли 22.000 казаковъ и 29.000 поселенцевъ Иркутской губерніи и изъ подъ Нерчинска, вышедшихъ изъ центральной Россіи.

Для образованія Енисейскаго войска были выдѣлены два полка въ Иркутской и Енисейской губерніи.

Въ 1855 г., послѣ экспедиціи къ устью Амура, былъ образованъ конный полкъ изъ забайкальцевъ, который занялъ линію отъ сліянія Аргуни и Шилки до Хабаровска. Въ 1858 г. къ нимъ прибавили еще 9.800 забайкальцевъ. Въ 1860 г. было образовано Амурское войско. Въ 1861-62 г. къ нему были причислены нѣкоторые поселенцы. Въ концѣ же XIX-го вѣка и началѣ XX-го туда переселяли съ Дона и Кубани казаковъ.

Въ 1858 г. забайкальцы поселились по правому берегу Уссури, по границѣ. Въ 1889 г. Уссурійское войско было выдѣлено изъ Амурскаго съ 6.500 жителей. Въ 1894-95 г. туда переселили 250 семей донскихъ и оренбургскихъ добровольцевъ и 60 семей забайкальцевъ. Передъ японской войной было переведено еще 24 семьи донцовъ.

Изъ предшествующаго можно вывести, что всѣ казаки, гдѣ бы они ни появлялись добровольно и даже безъ вѣдома государства, были русскіе, вышедшіе изъ срединной Россіи, вынесшіе съ собой вѣру, языкъ и обычаи и сохранившіе ихъ, несмотря на то, что жить имъ иногда приходилось среди другихъ народовъ и чуждой обстановки.

Въ заключеніе упомянемъ о нѣкоторыхъ казачьихъ войскахъ, устроенныхъ въ государственныхъ цѣляхъ и исчезнувшихъ съ минованіемъ надобности въ нихъ, какъ заставы.

Помимо казаковъ въ Московской Руси, какъ по Окѣ, Рязанскихъ, Волжскихъ, Камскихъ и др., исчезнувшихъ, когда граница ушла далѣе, въ наше время тоже временно существовали нѣкоторыя войска, пока въ нихъ была надобность.

Такъ въ 1742 г. было образовано Украинское войско изъ 20 пол-

ковъ по линіи между Днѣпромъ и Донцомъ, просуществовавшее 20 лѣтъ и обращенное въ слободскихъ гусаръ. Послѣ Турецкой войны въ 1769-74 гг. по лѣвому берегу Буга были поселены славяне изъ Турціи, отъ Николаева до Ольвіополя. Въ 1786 г. изъ нихъ были образованы два полка Бугскихъ казаковъ. Въ слѣдующемъ году къ нимъ присоединили Чугуевскихъ казаковъ, что вмѣстѣ составляло Екатеринославское войско, просуществовавшее до 1796 г. По окончаніи Турецкой войны 1807-12 гг. въ Бессарабіи были поселены добровольцы сербы, болгаре и румыны, принимавшіе участіе въ войнѣ, которые образовали Дунайское войско. Въ 1856 г. они вмѣстѣ съ Запорожцами, вернувшимися изъ Турціи въ 1829 г. и поселившимися вокругъ Аккермана, составили Новороссійское войско, расказаченное въ 1868 г. Наконецъ, въ 1833 г. было составлено Азовское войско, по берегу моря, въ Екатеринославской губерніи, изъ запорожцевъ и некрасовцевъ, вернувшихся изъ Турціи. Оно просуществовало до 1865 г. Большая часть его, 500 семей, была переведена на Кавказъ.

Глава II.

Кромѣ своей прямой обязанности — защищать границы, казаки принимали большое участіе во всѣхъ войнахъ Имперіи. Еще въ Московской Руси Донцы были въ войскахъ Царя Ивана Грознаго въ Ливонской войнѣ въ 1579 г. Въ 1591 г. 500 уральцевъ были посланы противъ кавказскихъ татаръ. Терцы въ 1594 г. въ составѣ 5.000 участвовали въ походѣ воеводы Хворостинина на подмогу Кахетинскому Царю противъ татарскаго шамхала. Черезъ десять лѣтъ вновь. Уральцы были въ войскахъ противъ Польши въ теченіе семи лѣтъ до 1655 г. Въ 1687 г. воевода Голицынъ въ походѣ противъ Крыма имѣлъ 50.000 малороссійскихъ казаковъ гетмана Самойловича, т. е. половину своего войска. Во всѣхъ войнахъ Царя Петра I участвовали казаки: запорожцы, яицкіе, донцы и терцы. Особенно же казаки отличились при взятіи Азова. Казаки ходили съ войсками отъ Прута до Петрограда, до Дербента, а равно и въ Хивинскомъ походѣ. Въ 1701 г. донцы дали 15.000 воиновъ и участвовали какъ и другія войска въ сѣверной войнѣ до 1721 г. Подъ Полтавой было 1.000 уральцевъ, были терцы и донцы. О малороссійскихъ и говорить нечего. О терцахъ Царь Петръ I сказалъ такъ: «людей турскихъ и крымскихъ побили, съ Чигиринскихъ горъ окопы ихъ, городки, обозы, намсты, пушки и знамена сбили, многіе языки поймали — отчего визирь турскаго султана и крымскій ханъ, видя надъ собой такіе промыслы и поиски, отъ обозовъ отступили и пошли въ свою землю». Даже запорожцы, вернувшіеся изъ Турціи, дали противъ Турокъ въ 1735-9 гг. 8.000 воиновъ, а малороссійскіе казаки — 20.000. Въ семилѣтнюю войну въ русскомъ войскѣ было 12.000 малороссійскихъ — 15.000 донскихъ въ походѣ на Одеръ и взятіи Берлина. Во всѣхъ походахъ Суворова участвовали казаки, особенно донцы. Даже въ усмиреніи Пугачева принимали участіе казаки всѣхъ войскъ отъ малороссійскихъ до уральскихъ. За эти походы Донъ такъ обезлюдилъ, что въ станицахъ находились только

старики, да изувѣченные въ бояхъ; некому было ни пахать, ни косить; табуны пасли дѣти. Съ 1794 г. принимаютъ участіе уже и Кубанскіе казаки въ войнахъ съ Польшей и Персіей. Въ 1793 г. Государыня Екатерина II говорила о донцахъ: «войско донское безстрашно ходило на приступы и опровергало превосходныя силы непріятеля въ польскихъ сраженіяхъ». Въ послѣдній годъ царствованія Государя Павла I 22½ тысячи донцовъ выступили въ Индію и дошли только до Иргиза. Въ этомъ походѣ погибли бы всѣ, не дойдя до цѣли, но смерть Павла вернула ихъ обратно. Въ 1806 г. два кубанскихъ полка были въ Крыму и на Дунаѣ. А за годы 1806-9-ый было взято 25% мужского населенія, тогда какъ наибольшимъ напряженіемъ въ смыслѣ военнаго живого матеріала считается 10% всего населенія. Помимо того, они принимали участіе и въ Отечественной войнѣ, равно какъ всѣ прочія войска: главнымъ образомъ донцы, выставившіе по линіи и противъ французовъ всѣхъ способныхъ носить оружіе; уральцы (12 полковъ и шесть сотъ ранѣе давшіе противъ шведовъ въ 1809 г.), оренбургцы, астраханцы и др. Въ борьбѣ съ Наполеономъ казаки выставили за 1812-13-14 гг. сто тысячъ воиновъ, не принимая во вниманіе охраны границъ. Какъ они дрались, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы говорить объ этомъ. Приведемъ только мнѣніе французскаго генерала Morand, участника войны: «Какое великолѣпное зрѣлище представляла европейская конница, поблескивая золотомъ и сталью въ лучахъ іюньского солнца, растянувшись по берегамъ Нѣмана, полная задора и смѣлости! И какое горькое воспоминаніе о напрасныхъ передвиженіяхъ, ее изнурившихъ въ погонѣ за казаками, до того времени презираемыми и сдѣлавшими для спасенія Россіи больше, чѣмъ вся ея армія. Ихъ видѣли каждый день на горизонтѣ, растянувшихся въ безконечную линію, между тѣмъ, какъ развѣдчики приближались до нашихъ рядовъ. Мы строились, наступали на эту линію, которая исчезала въ моментъ, когда мы уже подступали, и на горизонтѣ виднѣлись только березы и ели. Но часъ спустя, когда мы кормили лошадей, нападеніе возобновлялось и черная линія развертывалась вновь. Мы вновь наступали, и вновь тѣ же послѣдствія.

И такимъ образомъ самая прекрасная и храбрая конница изведась и растаяла отъ дѣйствія воиновъ, которыхъ она считала недостойными себѣ, но усилія которыхъ были достаточны, чтобы спасти Имперію, настоящимъ оплотомъ и единственнымъ спасителемъ которой они являются. Къ нашему стыду надо добавить, что конница наша была многочисленнѣе казаковъ, къ тому же подкрѣпленная самой легкой и наилучшей артиллеріей...

Казаки вернулись на плодородные берега Донца со славой и добычей, между тѣмъ, какъ наши войска, столь храбрыя и завзятыя и столь преданныя славѣ нашего отечества, покрыли своими трупами русскую землю».

Въ войнѣ 1828-9 гг. не только донцы, терцы и оренбургцы и черноморцы принимали участіе (при чемъ, полки послѣднихъ были въ Крыму, на Дунаѣ и въ Польшѣ), но и Задунайская Сѣчь, вернувшаяся изъ Турціи, представителей которой Государь Николай Павловичъ принялъ самъ лично. «Богъ васъ проститъ, говорилъ онъ имъ, отчизна прощаетъ и я прощаю. Я знаю, что вы за люди», и спросилъ Гладкого совѣта, какъ переправиться черезъ Дунай.

Во время крымской войны 1855-6 гг. казачество выставило по границѣ и въ арміяхъ 160.000 воиновъ. При чемъ, наборъ казаковъ доходилъ до 35% мужского населенія. Больше всего далъ Донъ — полки его были и на Кавказской линіи, и въ обѣихъ арміяхъ, и по берегу Азовского моря, и въ Прибалтійскомъ краѣ. Участвуя въ имперскихъ войнахъ и походахъ, казаки — донцы, кубанцы и терцы неустанно вели наступленіе на Кавказѣ. Въ приказахъ по Кавказской Арміи Великій Князь Михаилъ Николаевичъ говорилъ: «Доблестные донцы въ теченіе шестидесятилѣтней Кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками труды и славу военныхъ подвиговъ; многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи». А за эти 60 лѣтъ на Кавказской линіи перебывало 200.000 донцовъ, и только каждый десятый вернулся домой. По поводу замиренія Западнаго Предкавказья Государь Александръ II писалъ Командующему войсками ген. Евдокимову «Честь выполненія этого славнаго дѣла принадлежитъ преимущественно казакамъ Кубанского войска».

Въ Турецкую войну 1877-78 гг. казачество выставило войско въ 125.000 человѣкъ; составляя только 2,2% населенія Имперіи, они дали 7,4% арміи, т. е. въ три раза больше чѣмъ прочее населеніе, къ тому же со своимъ снаряженіемъ и лошадьми.

Въ походѣ въ Туркестанъ въ 1876-8 гг. не только донцы и восточные казаки участвовали, но и кубанцы. Даже научныя экспедиціи въ Среднюю Азію не обошлись безъ казаковъ (въ 1889, 1890 и 1893 гг.).

Французъ Trévepeuc такъ писалъ о казакахъ: «терпѣливый, трезвый, неутомимый и храбрый до безумія... въ снѣгахъ Балканъ, какъ и подъ палящимъ солнцемъ Туркменскихъ степей, онъ всегда одинаковъ въ голодѣ, жаждѣ и холодѣ. Въ опасности и при всевозможныхъ лишеніяхъ онъ всегда хранитъ добрую дѣтскую улыбку, твердъ и непоколебимъ въ православіи и въ преданности царю».

А Государь - Мученикъ въ своей грамотѣ писалъ, въ 1906 г.: ... «неустанно преслѣдуя свѣтлую цѣль развитія зародившагося тогда грозного могущества Государства Россійского, оно съ тѣхъ поръ неизмѣнно беззавѣтною самоотверженностью своей и безпредѣльной преданностью всѣхъ своихъ сыновъ Престолу и Россіи, ставъ оплотомъ на рубежахъ государства, богатырской грудью охраняло и содѣйствовало расширенію его предѣловъ... всегда съ одинаковой любовью и храбростью становясь въ ряды защитниковъ чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ постоянно присущимъ имъ духомъ воинской доблести и многочисленными подвигами безсмертную славу и благодарность отечества».

Въ мирное время, послѣ замиренія Кавказа, казачество кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, стало вести внутри-государственную службу. Въ 1875 г. оно могло выставить 175.000 воиновъ и было причислено къ кавалеріи, которой было всего 40.000. Передъ Великой войной его полки только первой очереди почти равнялись регулярной кавалеріи, составляя болѣе 3/4 ея, съ полками же 2-ой и 3-ей очереди было болѣе, чѣмъ въ два раза многочисленнѣе ея. Полки его были разбросаны по всей Имперіи: *Донское войско* — два полка гвардіи Государя и Наслѣдника, затѣмъ по полку стояло въ Екатеринославѣ, Москвѣ, Августовѣ, Ковенской губерніи, Гродненской, Калишской, Полоцкой, Подольской, два въ Люблинской, одинъ въ Одессѣ, Мѣховѣ,

Владимірѣ Волынскомъ, Радзивиловѣ, Замостьѣ, Томашевѣ и Каменецъ-Подольскѣ. *Кубанское войско* — двѣ сотни конвоя, двѣ сотни въ Варшавѣ, семь полковъ въ Закавказьѣ, одинъ въ Асхабадѣ, одинъ въ Мерви и одинъ въ Каменецъ-Подольскѣ. *Терское войско:* двѣ сотни конвоя, два полка въ Закавказьѣ и одинъ въ Хотинѣ. *Астраханское войско:* двѣ сотни въ Бухарѣ. *Уральское войско:* одна сотня въ Петроградѣ, одинъ полкъ въ Кіевѣ, одинъ въ Полоцкой губерніи, и одинъ въ Самаркандѣ. *Оренбургское войско:* сотня въ Петроградѣ, двѣ въ Гельсингфорсѣ, одинъ полкъ въ Харьковѣ, одинъ въ Варшавѣ, одинъ въ Волочискѣ, три въ Туркестанѣ. *Сибирское войско:* три полка на Китайской границѣ. *Забайкальское войско:* одинъ полкъ въ Уссурійскомъ краѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, какое положеніе занимало казачество въ русской арміи. Поэтому, когда въ 1870-74 гг. былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи Донского войска, военный министръ былъ противъ, потому что: 1) донскіе казаки, перейдя на солдатское положеніе , должны бы были платить подати въ два раза большія, чѣмъ крестьяне, чтобы окупить только полки первой очереди; 2) потребовался бы единовременный расходъ въ 20.000.000 рублей при переводѣ на солдатское положеніе; 3) ставши крестьянами, донскіе казаки дали бы гораздо менѣе воиновъ, сравнявшись съ прочими губерніями 4) не было бы возможности выставлять полковъ 2-ой и 3-ей очередей. Это касалось только Донского войска. А при уничтоженіи всѣхъ войскъ Европейской Россіи (Дона, Кубани, Терека, Урала, Астрахани и Оренбурга) Имперія лишилась бы тогда почти 2/3 своей конницы. При чемъ, эти двѣ трети снаряжились своими средствами. О военной же цѣнности казаковъ капитанъ Niessel, а теперь генералъ, познакомившись съ ними въ бытность свою въ Россіи, говоритъ: «Полки первой очереди не заставляютъ желать ничего лучшаго ни въ смыслѣ духа, ни въ военномъ обученіи. Полки второй очереди лучше запасныхъ любой изъ европейскихъ армій, призванныхъ во время мобилизаціи, такъ какъ по крайней мѣрѣ 2/3 казаковъ прослужили 3½ года, не считая подготовки. Въ смыслѣ дисциплины и умѣнія владѣть оружіемъ, они не уступятъ ни въ чемъ европейской конницѣ».

На всемъ протяженіи нашей исторіи казаки служили заставой отъ набѣговъ, завоевателями обширныхъ окраинъ и проводителями въ нихъ русскости и государственности, воинами въ первыхъ рядахъ противъ враговъ своей отчизны и, какъ увидимъ ниже, не разъ являлись гражданами-установителями закона и порядка въ трудныя времена нашего Государства. Ихъ сила и государственное значеніе увеличивались вмѣстѣ съ ростомъ войскъ. Такъ въ 1725 г. насчитывалось во всѣхъ войскахъ 85.000 воиновъ; въ 1740 г. — 150.000, въ 1875 г. — 175.000, и въ послѣднюю Великую войну они дали 450.000 воиновъ всѣхъ очередей и внутренней службы. Это войско растянулось по всему фронту отъ Месопотаміи до Балтійского моря. Ихъ подвиги и ихъ значеніе въ сраженіяхъ слишкомъ еще свѣжи въ памяти, чтобы о томъ распространяться.

Говоря о государственномъ значеніи казачества, нельзя обойти молчаніемъ разбои и бунты, приписываемые совершенно несправедливо казачеству, какъ таковому. Эта темная страница въ жизни казачества такова же, какія есть въ жизни каждаго общества или государства.

Въ какой странѣ и въ какой ея части въ старое время не разбойничали? Вѣдь каждый баронъ-феодалъ былъ тѣмъ же разбойникомъ. На Руси тоже удѣльные князья нападали другъ на друга съ цѣлью поживиться. Да и такъ набирались шайки «добрыхъ молодцевъ» погулять. А когда стала утверждаться государственность и устанавливаться порядокъ «добрые молодцы» вышли за предѣлы досягаемости власти. И образовалась, такъ называемая голытьба, которая поднимала бунты. «Домовые казаки», т. е. собственно войска, никогда въ бунтахъ участія не принимали, а наоборотъ, — помогали ихъ усмирять. Иногда изъ простого похода голытьбы съ цѣлью грабежа вырастали цѣлыя возстанія, потому что была благопріятная почва: 1) гоненіе на раскольниковъ, и 2) закрѣпощеніе крестьянъ. Съ половины XVII-го вѣка, когда казачество стало втягиваться въ государственный круговоротъ, въ немъ произошло разслоеніе: войска воспринимали государственность, а голытьба желала по прежнему «гулять», не получая никакого жалованья. А «гулять»-то уже не всегда можно было, ибо Москва иногда хотѣла поддерживать мирныя отношенія съ сосѣдями. Тогда голытьба обрушивалась на своихъ, поднимая на своемъ пути крестьянство. Такъ было со Степкой Разинымъ, котораго на Дону схватили казаки, и самъ атаманъ отвезъ въ Москву и тамъ присягнулъ на вѣрность Царю, а въ 1671 г. въ Черкасскѣ присягнулъ весь кругъ: «Даемъ Великому Государю обѣщаніе учинить передъ Святымъ Евангеліемъ, цѣлымъ войскомъ, а кто изъ насъ на обѣщаніе не пойдетъ, того казнить смертью по воинскому уставу нашему и ограбить его животы». По поводу бунта Скалозуба въ 1683 г. атаманъ донской Минаевъ писалъ въ Москву: «Скалозубъ, ходя на низъ, на Волгѣ, безъ пристанища, пропадетъ скоро, потому что его на Яикъ и въ другія мѣста никуда не пустятъ». Самъ Скалозубъ пошелъ на калмыковъ по Уралу, разгромилъ ихъ и голытьба его заслужила прощеніе. Въ 1688 г. на кругу «всѣмъ войскомъ» рѣшили выдать Москвѣ новаго бунтаря Самойлу Лаврентьева. Въ разгаръ Шведской войны вспыхнулъ бунтъ Булавина противъ войсковой старшины. Голытьба требовала прежней вольницы. Донъ отправилъ на усмиреніе 10.000 казаковъ (не только своихъ), за что получилъ отъ Царя Петра I такую грамоту: «За многія ихъ и вѣрныя службы, особливо которую учинили въ 1705 г. въ возмущеніе Астраханское на вѣчную имъ, и дѣтямъ ихъ, и сродникамъ славу... а которые изъ донскихъ и иныхъ запольныхъ рѣкъ казаки, забывъ страхъ Божій и къ намъ, Великому Государю, свое обѣщаніе и заповѣди святыя, апостольскія соборныя церкви, и явились въ расколѣ и въ иныхъ противностяхъ, и тѣхъ они, по вѣрной своей къ намъ службѣ, казнили смертію и ни до какова злова намѣренія тѣхъ возмутителей не допускали, а иныхъ ради подлиннаго розыску, переловя, присылали къ намъ, Великому Государю, къ Москвѣ». Даже изъ 15.000 украинскихъ казаковъ, поднятыхъ Мазепой, очень мало послѣдовало за нимъ въ Бендеры. Послѣдній крупный бунтъ — Пугачевскій, якобы казачій, является на самомъ дѣлѣ крестьянскимъ. Какъ разъ произошло освобожденіе дворянъ. Крестьяне тоже ожидали своего освобожденія. Ходили слухи, что царь хотѣлъ освободить, да дворяне не допустили. Слухи эти были не безъ основанія, такъ какъ Государыня Екатерина II думала это сдѣлать, но не рѣшилась пойти противъ дворянъ, которые ее и на престолъ посадили. Какъ разъ въ это время появился Емельянъ

Пугачевъ съ голыдьбой, выдавая себя за царя, обѣщающаго раскрѣпощеніе. Въ усмиреніи этого бунта участвовали казаки всѣхъ войскъ, даже запорожцы.

Казачество не только служило Россіи, какъ застава или часть войскъ въ походахъ противъ ея враговъ, но и принимало весьма существенное участіе въ жизни Государства, какъ часть цѣлаго, и въ трудныя времена своимъ участіемъ давало перевѣсъ установленію порядка и законности. Очень хорошо всѣмъ извѣстно значеніе казачества въ Смутное Время, а именно въ прекращеніи разногласій въ Москвѣ въ 1613 г. и въ выборѣ новаго Царствующаго Дома. Смутнымъ временемъ заканчивалась Удѣльная Русь. Удѣльная знать, или какъ ее тогда называли «княжата», воспользовавшись прекращеніемъ линіи Московскихъ князей, ихъ сильныхъ соперниковъ, хотѣли вернуть свои преимущества и посадили царя изъ своихъ — Шуйскаго, а затѣмъ призвали Польскаго Королевича, котораго хотѣли посадить при помощи войска польскаго, чѣмъ и сдѣлались измѣнниками въ глазахъ народа. «Начальницы же паки восхотѣша себѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же ратніи не восхотѣша сему быти». Второй борющейся силой являлись новое служилое помѣстное дворянство и казаки. Это были, какъ бы ихъ теперь назвали, государственно мыслящіе люди. Третьей силой — тяглое населеніе, начинавшее уже чувствовать на себѣ ковавшуюся цѣпь крѣпостничества. Поэтому «княжата», какъ сословіе, въ ополченіи не участвовали, которое было заложено простымъ людомъ. Когда же было составлено маленькое ополченіе, и выяснилась возможность народнаго движенія, позвали Пожарскаго, къ которому впослѣдствіи примкнули и воеводы. Ополченіе, пришедши въ Москву, не могло разрѣшить государственнаго вопроса, такъ какъ сталкивались разные интересы, и смута могла возникнуть вновь. Вмѣшательство казаковъ положило всему конецъ и предрѣшило судьбу Россіи. Въ ополченіи и въ московскомъ гарнизонѣ говорили: «во всемъ казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ что хотятъ». А казаки еще съ 1612 г. выставляли въ Цари Михаила — Филаретова сына. На Соборѣ рѣшающее значеніе имѣло извѣстное выступленіе «славнаго Дону атамана». Левъ Сапѣга говорилъ Филарету, что «посадили сына его на Московское Царство Государемъ одни казаки донцы». У шведовъ тоже сложилось мнѣніе, что при выборѣ царя все дѣлалось при казачьемъ засиліи. Не оставались безучастными къ судьбамъ Руси и гребенцы на далекомъ Терекѣ, — они шли въ Москву со своимъ царемъ. Но еще съ дороги повернули обратно, узнавши, что царь уже избранъ.

Полтораста лѣтъ спустя, въ 1767 г., центральная власть призвала казачество къ государственной жизни, донцы участвовали въ выборахъ въ Законодательную Комиссію.

Слѣдующее выступленіе казачества въ жизни государства, имѣвшее рѣшающее значеніе, было триста лѣтъ спустя, въ 1904-5-6 гг. Если тогда не разразилась Смута, если Россія не была разрушена, то только благодаря казакамъ. Объ этомъ какъ-то сразу забыли. Казачество пришло, сдѣлало великое государственное дѣло и такъ же незамѣтно ушло въ свои степи. И говорить объ этомъ перестали. Ни власть, ни исторія не подчеркнули. Правда, Государь-Мученикъ писалъ въ 1906 г. въ своей грамотѣ Донскому войску, что: «казаки всегда съ одинаковой любовью и храбростью, становясь въ ряды защитниковъ

чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ...» и т. д. Но дѣло шло не о чести и достоинствѣ, а самомъ существованіи Россіи.

Все потому, что казаки были всегда какими то пасынками Россіи. О себѣ кричать, или блистать, и, гдѣ надо, мозолить глаза они не умѣли. Это просто сѣрые герои, помнящіе завѣтъ отцовъ — любить свою отчизну. Для правящихъ круговъ казакъ былъ «казачкомъ на запяткахъ». А для общественности — какой то злодѣй, препятствующій развитію новой мысли. И эта общественность такъ прославила и очернила въ печати казаковъ, что внесла въ простую казачью душу сомнѣніе, не являются ли они на самомъ дѣлѣ палачами мысли. Въ концѣ концовъ вышло такъ, что, нанесши первый ударъ разрушительной силѣ, стремившейся уничтожить Государство, они, яко бы совершили преступленіе. Хотя двѣнадцать лѣтъ спустя и правящіе круги и общественность бросились спасаться къ этимъ же презираемымъ и ненавистнымъ казакамъ, которые приняли на себя ударъ разрушителей стихіи и дали 80% воиновъ для борьбы съ ней, составляя всего 2,5% населенія. Еще у всѣхъ свѣжо въ памяти, при какихъ обстоятельствахъ и какъ вели казаки борьбу съ большевиками. Вновь выказывали они примѣръ вѣковой удали и храбрости. Указать хотя бы на то, что на рѣчкѣ Сосыкѣ три сотни кубанцевъ разбили 40.000 Сорокинскую Армію. Но не только объ этомъ, а и о первостепенномъ значеніи казачества въ бѣломъ движеніи какъ то замалчивается. Разговоры идутъ о Добровольческой Арміи, но забываютъ, что она на 80% состояла изъ казаковъ. Правда, верхушка и руководители были не казаки. А хорошо ли они руководили, что всѣ очутились въ бѣженствѣ! Дѣйствовать же казачеству помѣшали, когда уже Атаманомъ Красновымъ было заложено прочное основаніе не только мѣстнаго порядка, а, можетъ быть, и государственнаго значенія. Точно такъ же, какъ въ 1917 году помѣшали казаку Корнилову спасти Россію, на сторону котораго стало сразу все казачество, и о которомъ атаманъ Калединъ говорилъ: «онъ казакъ прежде всего, думающій прежде всего объ Арміи и о благѣ Россіи». Но казакамъ не дали возможности творить казачье дѣло — спасать отчизну; и обстоятельства въ 1917 г. были не тѣ, что въ 1904-5 гг. Въ первую Смуту не было войны, обезкровившей казачество. Оно было въ полной своей силѣ. Притомъ же въ 1917 г. казаковъ была горсть въ сравненіи съ 15 милліонами поставленныхъ подъ ружье. Да и горсть эта была разсѣяна по всему фронту. Но это нисколько не помѣшало бы казакамъ, если бы Правительство, вмѣсто того, чтобы опереться на нихъ, какъ прежде, не объявило войны имъ самимъ, мобилизовавъ два военныхъ округа Московскій и Казанскій. Вѣдь первое выступленіе большевиковъ 3-5 іюля 1917 г. было подавлено только двумя донскими полками — первымъ и четвертымъ и 6-ой гв. донской батареей. Въ столицѣ среди милліоннаго населенія и при войскахъ въ сотни тысячъ нужно было только два полка казаковъ, чтобы установить порядокъ. Если бы ему не помѣшали, казачество возстановило бы порядокъ и во всей странѣ. Калединъ выражалъ мнѣніе всего казачества, телеграфируя Временному Правительству, что «казачество захвата власти одною частью населенія никогда не признаетъ». Настроеніе же казачества выразилось на Общеказачьемъ Съѣздѣ въ Августѣ 1917 г., вылившемся въ Казачій Союзъ всѣхъ тринадцати войскъ отъ Чернаго

моря до Тихаго Океана.*) Отъ его имени Калединъ заявилъ на Государственномъ Совѣщаніи (нѣкоторыя положенія):

1. — Казачество стоитъ на общенаціональной и государственной точкѣ зрѣнія.

4. — Казачество съ гордостью заявляетъ, что казачьи полки не знали дезертирства.

5. — Казачество не сойдетъ съ историческаго пути служенія родинѣ съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ битвъ и внутри въ борьбѣ съ измѣной и предательствомъ.

16. — Россія должна быть едина. и долженъ быть положенъ предѣлъ сепаратистическимъ стремленіямъ въ самомъ зародышѣ. А равно и власть должна быть едина въ центрѣ и на мѣстахъ.

И казачество, конечно, не сошло бы съ историческаго своего пути, если бы ему Правительство не объявило войны.

При Союзѣ даже были основаны курсы для подготовки агитаторовъ изъ частей на фронтѣ въ противовѣсъ большевистскимъ.

Поэтому то, что борьба съ большевизмомъ началась на казачьихъ земляхъ, не есть простая случайность, а вполнѣ естественное, вытекающее изъ казачьяго уклада жизни и его государственности, явленіе. Какъ извѣстно, главная борьба велась на Дону, Кубани, Терекѣ, Уралѣ**) и въ Сибири. Въ Сибири и крестьянство возстало, такъ какъ оно имѣло въ себѣ основы гражданственности, ибо Сибирь не знала ни крѣпостничества въ прошломъ, ни общиннаго владѣнія землей въ настоящемъ. Борьба же на Западѣ и Сѣверѣ поддерживалась искусственно Союзниками. И прекратилась она тогда, когда они того захотѣли.

И если казачество не исполнило своего долга передъ отчизной, то только потому, что вначалѣ не допустило русское же Правительство, а въ Гражданскую войну помѣшали свои, и кореннымъ образомъ воспрепятствовали Союзники, видя въ казакахъ силу, способную возстановить Великую Россію, ослабленіе которой они хотѣли, чтобы впослѣдствіи расчленить ее. И Главное Командованіе Добровольческой Арміи, идя противъ казачьяго дѣла на Дону (казачье дѣло — значитъ общерусское дѣло), созданнаго атаманомъ Красновымъ, было слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Союзниковъ.

Но казачество не сойдетъ со своего историческаго пути и въ будущемъ. Въ дѣлѣ возрожденія и возстановленія Руси оно должно имѣть первенствующее значеніе. Слѣдуетъ только предоставить ему къ тому возможность. Вѣдь послѣдствія Смуты не исчезнутъ со сверженіемъ большевизма. Чтобы ихъ изжить, нужна будетъ гражданственность, государственность, настойчивость и упорство населенія, если не всего, то значительной части, имѣвшей подъ собою почву старыхъ завѣтовъ. Таковымъ и явится казачество.

А смогутъ ли что-либо сдѣлать 2,5% населенія противъ 97,5%?

---

*) Въ Союзѣ были представители:

Донъ — 6, Кубань — 5, Терекъ — 4, Оренбургъ — 3, Уралъ — 2, Астрахань — 2, Сибирское — 2, Семирѣченское — 2, Енисейское — 1, Красноярское — 1, Амурское — 2, Уссурійское — 2, Забайкальское — 2.

**) Слѣдуетъ подчеркнуть устойчивость Уральцевъ. Не здавшись большевикамъ, они ушли зимой въ степи, гдѣ въ огромномъ большинствѣ погибли.

Конечно, смогутъ. Но при правильномъ подходѣ къ дѣлу, — борьбы не будетъ съ огромнымъ большинствомъ этихъ 97,5%. Ибо большевизмъ явленіе не русское, совершенно наносное и чуждое русскому народу.

И чтобы выяснить значеніе казачества въ будущемъ слѣдуетъ разобраться, хотя бы въ грубыхъ чертахъ, въ сущности нашей Великой Смуты.

Цѣль Государства — ограждать общество и каждую личность отъ посягательства на ихъ права со стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ прилагать всѣ усилія, чтобы устроить обществу и каждой личности, какъ можно, лучшую жизнь. Личность должна быть свободна, но ея свобода ограничивается правами другой личности или вмѣстѣ взятаго общества. Личность можетъ развивать свои способности и жить по своему усмотрѣнію при условіи ни въ чемъ не вредить своему ближнему, т. е. обществу, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Задача Государства — установить границы дѣятельности личности и размѣръ ея обязательствъ по отношеніи къ нему.

Представляя собой цѣльное тѣло, прочно соединенное механически и химически, Государство должно распредѣлять преимущества и имущественныя блага справедливо и соразмѣрно значенію въ государственной жизни и только по мѣрѣ надобности. Несоразмѣрное распредѣленіе правъ и преимуществъ и искусственное задержаніе такого состоянія приводитъ къ расколу въ обществѣ и къ крушенію Государства. Такъ и произошло у насъ.

Большевизмъ въ Россіи не есть одно простое явленіе. Въ немъ соединились: 1 — собственно большевизмъ, какъ новое ученіе объ общественномъ строѣ (отрицаніе вѣры, нравственности, личности, семьи, частной собственности и даже государства); 2 — передѣлъ земли; 3 — расколъ въ нашемъ обществѣ; 4 — пагубная дѣятельность инородцевъ; 5 — стремленіе союзниковъ расчленить Россію.

Самъ же по себѣ большевизмъ, какъ ученіе, совершенно чуждъ русскому народу, его душевному складу, жизни, его преданіямъ и вѣрѣ. Онъ является по духу и сущности чистымъ плодомъ «матеріалистической культуры» и «капиталистическаго» — до обращенія человѣка въ машину, строя.

Почему же онъ видимо (слово «видимо» надо подчеркнуть) такъ быстро привился и держится вотъ уже 10 лѣтъ? (Кажется, ни для кого не тайна теперь, что большевизмъ, какъ ученіе, не привился гущѣ русскаго народа. Только евреи стараются убѣдить всѣхъ, что онъ чисто русское явленіе). Почему же русскій «организмъ» не выбросилъ его какъ чуждое и вредное тѣло? Потому что русское Государство не было плотнымъ единымъ тѣломъ, къ тому же оно было больно, его лихорадило передѣломъ земли, общиннымъ владѣніемъ и расколомъ нашего общества.

Ожиданіе крестьянствомъ болѣе ста лѣтъ (со времени «Вольностей дворянства») передѣла земли и постоянное отсрачиваніе его подготовили вмѣстѣ съ общиннымъ владѣніемъ почву для Смуты.

Въ свое время Москва должна была ввести крѣпостничество, чтобы быть въ состояніи побѣдить и вырасти въ большое государство; иначе ей предстояло быть побѣжденной и погибнуть медленной смертью, превратившись вновь въ маленькое княжество. Государству пришлось

закрѣпостить своихъ гражданъ или «націонализировать», что и было произведено со всѣми сословіями, кромѣ духовенства. Но какъ только позволили обстоятельства (были уже заложены нѣкоторыя новыя основы государства), приступили къ раскрѣпощенію. Извѣстными вольностями дворянству служилое сословіе освобождалось отъ своихъ обязанностей, но сохраняло свои права на землю и крестьянъ. Сама Государыня Екатерина II и всѣ послѣдующіе Государи сознавали необходимость раскрѣпощенія крестьянъ, но не рѣшались выступить противъ дворянско-помѣщичьяго сословія. Въ 1847 г. на пріемѣ представителей Смоленскаго дворянства Государь сказалъ, между прочимъ: «Я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой». И, дѣйствительно, 72% всего населенія были вещью. Человѣкомъ, котораго вѣра учила, что онъ созданъ по образу и подобію Божьему, распоряжались, какъ вещью. Положеніе вещи растлѣвающе дѣйствовало на душу. Человѣкомъ распоряжались, его даже кормили въ случаѣ неурожая, ему не приходилось не только брать отвѣтственность за свои поступки, но даже и задумываться надъ ними. Будучи вещью, могъ ли крестьянинъ воспитывать и укрѣплять въ себѣ гражданскія понятія о его долгѣ передъ обществомъ и государствомъ. Могъ ли онъ выработать въ себѣ понятія о Государствѣ, о гражданскихъ доблестяхъ и обязанностяхъ? Конечно, нѣтъ. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ безотвѣтственнымъ и даже не задумывался надъ подобными вопросами. Можно возразить, — причемъ крѣпостничество, когда оно было уничтожено въ 1861 г. Но съ 1861 г. по 1917 г. прошло всего 56 лѣтъ. Еще много стариковъ съ ихъ ужасными воспоминаніями были живы. Пятьдесятъ лѣтъ въ жизни общества, да еще въ низшемъ слоѣ его, ничто. Духовное «я» простонародья не мѣняется быстро. Поэтому намъ и приходится переживать послѣдствія прошлаго.

Присоединенное къ этому наказаніе «поркой» не только способствовало заглушенію въ крестьянинѣ зародыша гражданственности, но и «выбивало» изъ него Бога, котораго онъ въ себѣ носилъ. Такое унизительное наказаніе не только оскорбляетъ въ самыхъ тайникахъ души, но и снимаетъ всякую нравственную отвѣтственность. У человѣка появляется только животный страхъ. Самъ онъ не силится разобраться въ своихъ поступкахъ и становится, какъ бы, безотвѣтственнымъ. За него кто-то думаетъ и направляетъ его, кто держитъ палку. Русскаго человѣка, вѣрующаго искренне, созданнаго, какъ онъ считаетъ, по образу и подобію Божьему и носящаго въ себѣ Бога, стремящагося къ соединенію съ нимъ, пороть нельзя. Это убиваетъ въ немъ духовное начало, и онъ становится животнымъ.*) И надо удивляться не тому, что въ Великую Смуту была проявлена жестокость, а тому, какъ за двѣсти лѣтъ крестьянство не озвѣрѣло совершенно и не потеряло облика человѣческаго, что произошло въ Прибалтійскомъ Краѣ отъ семисотлѣтняго нѣмецкаго владѣнія.

---

*) Пороть можно нѣмца, онъ отъ этого только себя лучше чувствуетъ. Это его подгоняетъ. Даже англичанину порка не вредна. Не даромъ у нихъ основой школьнаго воспитанія является палка. Но на француза порка произведетъ уже обратное дѣйствіе.

Его спасла вѣра. Глубоко вѣрующій, онъ въ ней находилъ оправданіе злу. Хотя ученіе вѣры расходилось съ дѣйствительностью. Его учили, что онъ созданъ по образу и подобію Божьему, а онъ былъ вещью. Это тоже не мало смущенія вносило въ его душу и путало его пониманія,. какъ человѣка и гражданина.

Развитію гражданственности также много препятствовало общинное владѣніе землею, не допускавшее упрочниться понятію о «твоемъ и моемъ».

Община установилась на Руси, благодаря, съ одной стороны, желанію правительства обезпечить круговой порукой возможность служилому классу нести государственную службу, а равно и поступленіе подати въ казну, — съ другой стороны, благодаря обилію земли, особенно въ XVII и XVIII вв., когда заселялась черноземная полоса. Болѣе сильное закрѣпощеніе крестьянъ въ общинѣ послѣдовало послѣ его освобожденія отъ барщины. Для полнаго обезпеченія выплаты по выкупу земли, крестьянъ привязали еще крѣпче тою же круговою порукой.

Въ хозяйственномъ и воспитатальномъ отношеніи община являлась болотомъ, въ которомъ тонули всѣ здоровые инстинкты собственности и самосознанія. Личность въ ней растворялась. Равнымъ образомъ община не допускала личной работоспособности и труду выдвинуться. Постоянное уравненіе убивало всякую силу. Къ тому же частые передѣлы не давали возможности удобрять землю и тѣмъ улучшать хозяйство, не говоря о черезполосицѣ, когда мужику приходилось ѣздить на полевыя работы за двадцать верстъ. А такъ какъ на Руси было 80% крестьянъ, то можно себѣ представить, какъ отъ этого страдало государственное хозяйство.

Не имѣя своей собственности, не привыкнувъ отстаивать ее, крестьянину нечего было терять, когда объявили общій передѣлъ земли. Къ этому онъ привыкалъ въ теченіе вѣковъ. Не имѣя основъ ни государственности, ни гражданственности, онъ пошелъ за тѣми, кто, какъ ему показалось, приведетъ его къ желанной цѣли — къ землѣ. Руководящій же классъ откололся совершенно отъ простонародья. Между ними образовалась глубокая трещина, по краямъ которой во время Смуты, они почувствовали себя почти врагами.

Но, какъ и подобало ожидать, устроители Смуты достигли въ деревнѣ обратнаго своимъ желаніямъ: у крестьянина выявился наружу инстинктъ собственности. Поэтому краеугольнымъ камнемъ Русскаго Государства долженъ быть мужичекъ - собственникъ, или кулакъ, какъ теперь принято называть. Пусть онъ будетъ полноправнымъ хозяиномъ у себя на дому. Онъ вскорости пойметъ, что его интересы сходятся съ интересами его сосѣда. Въ понятіе «о своемъ» войдетъ деревня, затѣмъ уѣздъ, и постепенно выработается понятіе о Государствѣ и обязанностяхъ по отношенію къ нему, т. е. гражданственность. Но на это нужно время.

Расколъ въ нашемъ народѣ произошелъ благодаря слишкомъ долго затянувшемуся крѣпостничеству и усиленному западничеству нашего высшаго слоя. Своевременная и необходимая связь съ Западомъ, установленная Преобразователемъ, при его послѣдователяхъ приняла уродливую форму, выразившуюся въ слѣпомъ подражаніи Западу вплоть до мелочей повседневной жизни, чѣмъ и оторвала отъ народной

гущи правящее сословіе сперва, а затѣмъ и «интеллигенцію». Стараніе отрѣшиться отъ родныхъ обычаевъ, преданій и даже языка и преклоненіе передъ чужимъ разложили русское общество. На первый взглядъ незамѣтное вліяніе западнаго воспитанія при помощи иностранныхъ наставниковъ съ самаго ранняго дѣтства, оказалось пагубнымъ и преступнымъ. Всѣ отъ министра до сельскаго учителя старались стать «европейцами», т. е. какъ можно далѣе уйти отъ русскаго простонародья. Всякое послѣдующее поколѣніе все дальше и дальше отходило, теряя всякую связь, даже связь языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою русскость. Говоря же на иностранныхъ языкахъ или на полурусскомъ — полу-международномъ нарѣчіи, непонятнымъ простому люду, высшій слой (правящій классъ и «интеллигенція») выработалъ въ себѣ какой-то новый душевный складъ не русскій, но въ то же время несхожій съ таковымъ какого либо западнаго народа. Поэтому, потерявъ свою русскость, высшій слой не могъ повести за собой народную гущу. Они были чужды другъ другу. Баринъ и мужикъ, столкнувшись въ Смутѣ, не могли понять другъ друга, между ними лежала пропасть, которую заняли инородцы.

Поразительно и печально то, что наше общество совершенно не обращаетъ вниманія и нисколько не задумывается надъ искаженіемъ нашего языка. Вѣдь, съ чисто русскими словами постепенно исчезаетъ и русскость. Съ какой опрометчивой легкостью воспринимаются чужія слова во всѣхъ уголкахъ нашей жизни. Если въ Россіи большевики мало этимъ обезпокоены, это понятно — они большей частью инородцы и къ тому же «интернаціоналисты». А вотъ какъ на это не обращаютъ вниманія и не ужасаются настоящіе русскіе люди «націоналисты-патріоты». Весьма печально, что эти русскіе люди не смогли даже подыскать себѣ русскаго наименованія.

Двадцатилѣтнее мое пребываніе на Западѣ, столкновеніе со всѣми его народностями и изученіе сущности народности, т. е. корня опредѣляемости народности, даютъ возможность придти къ такому заключенію: человѣкъ принадлежитъ духовно тому народу, на чьемъ языкѣ онъ былъ воспитанъ и говоритъ. Въ образованіи духовнаго «я», въ воспитаніи той или иной народности главное мѣсто занимаетъ языкъ. И при такомъ глубокомъ значеніи языка, въ Россіи со временъ Царя Петра I, высшее сословіе дѣлало все, чтобы изувѣчить нашъ языкъ и тѣмъ самымъ почти перестать быть русскими. А на него равнялись всѣ, кто не хотѣлъ быть простолюдиномъ. Быть русскимъ не значитъ быть непремѣнно славянскаго племени. Русскимъ надо быть по духу.

Расколомъ воспользовались инородцы, и опираясь на 40.000 латышскихъ стрѣлковъ, произвели Смуту. Говорятъ, что, когда проф. Ключевскаго спросили, какая будетъ слѣдующая Русь, послѣ описанныхъ имъ: Кіевской, Удѣльной, Московской и Петровской, будто бы онъ отвѣтилъ: Инородческая.

И, дѣйствительно, инородцы стали просачиваться въ нашу жизнь двѣсти лѣтъ тому назадъ и сверху и снизу. Совершенно чуждые русскому духу, обычаямъ, преданіямъ и вѣрѣ, а зачастую и враждебные, они, конечно, не могли ни проникнуться русскостью, тѣмъ болѣе, что сами русскіе старались ее терять, — ни понять хода народной жизни. Сперва это были балтійскіе нѣмцы, окружавшіе государственное управленіе, затѣмъ поляки, закавказцы и евреи. Послѣдніе, совер-

шенно чуждые укладу нашей жизни, враждебные нашему прошлому, преданіямъ и обычаямъ, относясь съ пренебреженіемъ къ вѣрѣ народной, нахватавшись поверхностныхъ знаній, они вообразили себя настоящими «европейцами» и, какъ таковые, задались цѣлью перевоспитать и «объевропеить» русскихъ. Съ какими наглостью и самоувѣренностью учили они, какими русскіе должны быть, какъ мыслить, во что вѣрить. Большой успѣхъ они имѣли среди «интеллигенціи». Во время Смуты, воспользовавшись замѣшательствомъ и взаимнымъ непониманіемъ высшаго и низшаго слоевъ русскаго народа, инородцы произвели механическій расколъ.

Въ Смуту вмѣшались другія государства, сперва Германія, чтобы ослабить врага, затѣмъ союзники, не желавшіе побѣды на восточномъ фронтѣ. Во время междуусобицы союзники помогали одной рукой бѣлымъ, а другой краснымъ, чтобы гражданская война затянулась, весьма выгодная для расчлененія, и полной горстью сѣяли самостійность на окраинахъ.*)

Такимъ образомъ, Смута наша стала международнымъ явленіемъ.

Послѣ того, какъ союзники не допустили бѣлыхъ побить красныхъ, стало ясно (хотя не всѣмъ), что сверженіе большевиковъ и возрожденіе Россіи должно произойти извнутри. Нужно только пойти навстрѣчу народнымъ чаяніямъ, направить народную силу въ надлежащее русло, насадить государственность и произвести спайку въ русскомъ обществѣ.

Вотъ казачество и можетъ явиться орудіемъ для направленія народныхъ силъ въ надлежащее русло, оплотомъ для насажденія государственности и спайкой между высшимъ и нисшимъ слоями.

Глава III.

Въ русскомъ простонародьѣ очень много здраваго смысла и большой запасъ русскости, а равно и имѣются всѣ данныя для развитія гражданственности, которая, не имѣя возможности проявиться и развиваться, находится въ скрытомъ видѣ. Другая же часть русскаго общества недостаточно «русская», чтобы слиться непосредственно съ нимъ (простонародьемъ). Казачество можетъ явиться спайкой, какъ выработавшее въ себѣ ясное представленіе о государствѣ и обще-государственныхъ задачахъ, равно какъ и разсадникомъ государственности и порядка, какъ проводитель и охранитель закона въ странѣ, какъ своего рода «партія» оздоровленія страны — оздоровленцы.

Мы видѣли, что казачество, выходившее изъ русскаго народа (нельзя сказать «вышедшее», такъ какъ выдѣленіе въ казаки продолжалось до половины XIX в.) на протяженіи всей нашей исторіи, имѣло огромное значеніе въ государственной жизни какъ застава, какъ часть

*) Такъ, Черчиль не постѣснялся заявить въ Парламентѣ, что Англія не Деникину помогала, а спасала отъ русскихъ Кавказъ и Персію. На самомъ дѣлѣ помогали не Врангелю, а защищали Польшу. Пилзутскій же при походѣ на Кіевъ не скрывалъ, что онъ воюетъ не съ большевиками, а съ Россіей.

русскаго войска и, наконецъ, какъ дѣятельная и сознательная часть населенія Россіи.

По достиженіи и закрѣпленіи Государствомъ своихъ границъ, въ дальнѣйшемъ заставы не нужны будутъ, развѣ, можетъ быть, кое-гдѣ въ Азіи да на Кавказѣ, гдѣ Терскіе казаки служили заставой до самаго послѣдняго времени, и гдѣ, немного необдуманно, Главнымъ Командованіемъ были вооружены горцы. Это можетъ вернуть насъ ко временамъ первой половины прошлаго столѣтія.

Существуетъ мнѣніе, что казачество, какъ часть русскихъ войскъ, отжило и не можетъ представить никакой отдѣльной, — какъ раньше, силы. При такихъ удачныхъ изобрѣтеніяхъ истребительныхъ машинъ, какъ подводная лодка, самолетъ, броневикъ, танкь и т. п. да прибавить къ нимъ еще удушливые газы, конечно, казачья лава, причинившая столько бѣдъ французамъ въ Отечественную войну, не примѣнима. Но принимая во вниманіе наши пространства и недостатокъ желѣзныхъ и автомобильныхъ дорогъ, можно признать, что конница еще скажетъ свое послѣднее слово. Къ тому же наши ближайшіе сосѣди, съ которыми возможны войны въ недалекомъ будущемъ — Польша и Румынія, не будутъ вооружены усиленно ни броневиками, ни самолетами. И казачьи полки будутъ къ мѣсту. Главное же, не надо забывать Азіи, глѣ и лава и всѣ сноровки казачьи будутъ вполнѣ примѣнимы.

Поэтому даже съ этой точки зрѣнія надо отбросить совершенно предположеніе о томъ, не отжило ли казачество свое время, не является ли оно пережиткомъ прошлаго. На самомъ дѣлѣ, какой смыслъ существованіе Донского войска, когда Ставропольская губернія его опередила? Какая разница заключается для Государства въ Донской области, съ одной стороны, Воронежской и Ставропольской губ. съ другой? На первый взглядъ никакой. Но разобравшись въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ (Война и Смута) и изучивъ духовный складъ казачества и укладъ его жизни, неизбѣжно придешь къ заключенію, что разница огромная.

Какъ мы видѣли раньше, по причинѣ, сложившейся по внѣшнимъ обстоятельствамъ и географическому положенію жизни крестьянства, оно не могло выработать и развить въ себѣ гражданственности, столь необходимой въ Государствѣ, особенно въ годину лихолѣтья.

Жизнь же казачества сложилась иначе. Выходя далеко за предѣлы покровительства власти, казаки принуждены были вести самостоятельную жизнь. Свободное житье представляло полный ходъ личному почину, послѣдствія котораго влекли за собой и отвѣтственность тоже личную. Постоянная же опасность вырабатывала личныя качества, промежъ которыхъ самостоятельность занимала первое мѣсто. Борьба со степью указала на общность интересовъ не только отдѣльныхъ казаковъ, но и отдѣльныхъ артелей, а впослѣдствіи станицъ. Такъ что, защищая свое войско, казакъ защищалъ свою станицу и тѣмъ самымъ самого себя. Но онъ это ясно сознавалъ. Хотя въ войскахъ и было общинное владѣніе, но вѣковая борьба за общее имущество и постоянная возможность его потерять выработали въ казакахъ привязанность къ нему и готовность всегда стоять за него. Войско чувствовало себя единымъ цѣлымъ.

Уходя отъ русскаго государства, казачество уносило съ собой укладъ русской жизни даннаго времени, который бережно и упорно

сохраняло, несмотря на окруженія чужими народностями. А можетъ быть, именно потому и сохраняло. Много говорится о какомъ то особомъ казачьемъ бытѣ, ничего съ общерусскимъ неимѣющимъ: вольность, самоуправленіе, кругъ, выборный атаманъ и пр. Чѣмъ ниже стоитъ государственность, тѣмъ меньше обязанностей несутъ граждане, и тѣмъ больше личной вольности. Такъ и въ казачьихъ земляхъ полная вольность должна была съ ходомъ развитія государственности улечься въ рамки гражданскихъ обязанностей. И тогда, какъ на Руси государственная жизнь требовала не только измѣненія взаимоотношеній, но и замѣны однихъ другими, казаки могли сохранить ихъ почти въ чистомъ видѣ до XIX вѣка.

Образъ вольнаго казачества — Запорожская Сѣчь — была ничѣмъ инымъ, какъ древнерусской дружиной. Какъ мы видѣли, такія же «сѣчи», въ менѣе развитомъ видѣ послужили ядромъ всѣхъ войскъ. Въ дальнѣйшемъ, Кругъ или Рада — это то же Вѣче. Но только атаманы бывали не изъ опредѣленной семьи, какъ князья изъ Рюриковичей выбирались. Да и то на Дону, гдѣ государственность достигала высшей ступени, чѣмъ въ прочихъ войскахъ, къ концу XVIII в. сталъ уже образовываться правящій классъ — старшина, занимавшая почти наслѣдственно войсковыя должности, а бывали случаи, что атаманство переходило къ сыну. Равнымъ образомъ и Богданъ Хмельницкій прочилъ своего сына въ гетманы.

По древне русскому обычаю Кругъ собирался на площади у церкви или часовни, а если таковой не было, то выносили икону сперва Іоанна Крестителя, а затѣмъ Спаса или Николая, вокругъ которой и собирались. Постановленія круга были обязательны и строго исполнялись, противленіе которымъ влекло за собой смертную казнь. Атаманъ являлся исполнительной властью и распоряжался всѣми нравственными и вещественными силами войска въ виду достиженія блага всѣхъ и каждаго. Постоянная опасность и необходимость самозащиты выработали желѣзную дисциплину, причемъ въ корнѣ своемъ дисциплина была не наружная, не со стороны она шла, а внутренняя, добровольная, вырабатывающая сознаніе долга, качество столь цѣнное и необходимое для гражданина. «Куда ты (атаманъ) глазомъ кинешь, туда мы кинемъ свои головы» («Историческіе очерки Дона» Ник. Красновъ). Обще-извѣстна дисциплина въ Запорожьѣ во время похода.

Именно, къ казачеству примѣнимо выраженіе «такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ». Подъ тяжкими ударами извнѣ казачество сохранило, кромѣ строя жизни, всю свою русскость: вѣру,*) рѣчь, обычаи, нравы, преданія и пѣсни, т. е. душу, — и даже женскую одежду. Соловьевъ писалъ такъ: «Многое перемѣнилось въ государственномъ строѣ Россіи съ X до XVII в., отъ времени ласковаго кіевскаго князя Владиміра до временъ Великаго Государя всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца; но удальцы по прежнему шли въ степь «поляковать».

Такимъ образомъ русскому народу была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами: богатырь не умиралъ въ

*) Такъ донцы, переселившіеся въ верховья Кубани въ ст. Бѣломечетенскую, перевезли туда и свою деревянную церковь, гдѣ и сложили ее вновь.

казакѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни казацкія о казакахъ.»

Благодаря своей обособленности и предоставленности до нѣкоторой степени самимъ себѣ, войска принуждены были къ самостоятельной общественной жизни; а отсутствіе крѣпостничества и разслоенія, какъ на Руси, спаяло войско въ единое цѣлое. Все же вмѣстѣ взятое выработало довольно ясный взглядъ на государство и обязанность по отношенію къ нему.

Итакъ, казачество сохранило свою полную русскость, чего нѣтъ у высшаго слоя русскаго общества, и развило и не разъ проявляло гражданственность и здравую государственность, что видимо отсутствуетъ (ибо находится въ скрытомъ состояніи) у 80% русскаго населенія. Это ясно вырисовалось въ Великую Войну и Смуту. Какъ справедливо заявилъ ген. Калединъ отъ имени Казачьего Совѣта въ 1917 г., казачество, во всѣхъ своихъ войскахъ не знало дезертирства. Вѣдь, причиной тому былъ не страхъ передъ наказаніемъ (страхъ этотъ поддерживался во всей арміи), а сознаніе долга. Пусть это сознаніе передъ отчизной было нѣсколько смутно, не вылившееся въ точную научную форму, но его было достаточно, чтобы казаки не только сами не покидали поля сраженія, но привлекались къ борьбѣ съ бѣгствомъ солдатъ.*) Въ Маѣ, 1917 г. 29 полковъ и 30 отдѣльныхъ сотенъ занимались этимъ. Въ іюнѣ же ихъ было уже 45 полковъ и 65 сотенъ. Они поддерживали порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ на многіе сотни верстъ, а равно и въ тылу. И казакъ, къ которому въ мирное время или даже въ войну относились свысока, въ минуту опасности пришелъ молча и занялъ отвѣтственное мѣсто въ государственной жизни, т. е. должное ему положеніе. Въ самый расцвѣтъ «миролюбія и вольностей» въ первое время Смуты, посланные отъ частей на казачій съѣздъ въ Кіевъ имѣли наказы: поддерживать порядокъ и продолжать войну, какъ того «требуютъ честь и достоинство Россіи». Этого требовалъ вѣками закалившійся казачій духъ. Когда же два полка 4 и 1, стоявшіе въ Петроградѣ стали разлагаться, и Войсковой Кругъ пригрозилъ имъ поголовнымъ исключеніемъ изъ казачества, они сразу перемѣнили настроеніе и усмирили большевистское іюльское возстаніе. Какая сплоченность, какая духовная связь съ войскомъ проявилась въ этомъ на первый взглядъ ничтожномъ явленіи. Послѣ захвата власти большевиками всѣ казачьи полки вернулись домой въ полномъ составѣ, нѣкоторые изъ нихъ походнымъ порядкомъ. Въ этомъ отношеніи отличился 6-ой донской, который прибылъ на Донъ только въ февралѣ 1918 г. съ полковымъ командиромъ во главѣ, пройдя весь путь въ бояхъ съ латышами. Ни правительство, ни общество не замѣтили въ этомъ, что за силу для государственности представляютъ казаки. Но враги государства, Керенскій и большевики, поняли сразу, что изъ себя представляетъ казачество, и объявили ему войну. Ни въ 1917 году, когда казачество еще могло спасти Россію, если бы ему дали возможность, ни позже, при Бѣломъ движеніи, когда вновь казачество могло сплотиться для спасенія отчизны, тѣ же государственные мужи не учли, какую цѣнность въ государственномъ смыслѣ пред-

*) Передъ своимъ отреченіемъ Государь - Мученикъ сказалъ: «Меня обвинятъ казаки, что я бросилъ фронтъ».

ставляло казачество. Вѣдь, не даромъ большевики истребляютъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ просто уничтоженіемъ, высылкой на сѣверъ и разжижженіемъ. Но казачество неистребимо. Въ Россіи оно живетъ. Только сильнѣй стало биться казачье сердце, и устойчивѣе сталъ казакъ въ своихъ взглядахъ и понятіяхъ.

Въ бѣженствѣ тоже (впрочемъ здѣсь тѣ же люди) не видятъ въ казачествѣ той государственной цѣнности, которую оно изъ себя представляетъ. Нашимъ руководителямъ нуженъ казакъ съ нагайкой и шашкой, по первому знаку бросающійся, сломя голову, не разсуждая и самъ не зная, куда. Неужели имъ не ясно, почему Бѣлое движеніе началось въ казачьихъ земляхъ, и въ немъ участвовало 80% казаковъ. Вѣдь, это не простая случайность — это историческое явленіе огромнаго значенія, въ русской же жизни въ особенности. Только казачество при его государственномъ самосознаніи и зрѣлой гражданственности могло приступить къ государственному строительству. Такъ, напримѣръ, среди Океана безпорядка и неразберихи, когда на Дону только въ 10 станицахъ изъ 252 не было большевиковъ, Атаману Краснову, этому безусловно талантливому государственному человѣку, удалось установить порядокъ и законъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ учредить государственное образованіе на основахъ свода Законовъ Россійской Имперіи, а для войска постановленія Круга (статья 25) «Всѣ воинскія части, какъ постоянной арміи, такъ и временно вызываемыя по мобилизаціи, руководствуются законами, уложеніями и уставами, изд. въ Россійской Имперіи до 25 февраля 1917 г.» Въ разгаръ страстей и разнузданности, 1918 годъ, Атаманъ Красновъ установилъ обязательную службу отъ 19-40 лѣтъ и въ два мѣсяца набралъ 50.000 войска только на Дону.

Или такое явленіе: на Кубани въ одной станицѣ объявляютъ наборъ семи лѣтъ, а казаки самочинно явились за восемнадцать. Что ихъ гнало? Внутренняя дисциплина, вырабатывавшаяся въ теченіе вѣковъ. Казакъ съ молокомъ матери всасываетъ сознаніе, что онъ долженъ отстаивать свою землю, свою отчизну. Передъ нимъ стоитъ цѣлый рядъ предковъ погибшихъ въ борьбѣ. Не только завѣтъ, но и оружіе передается изъ рукъ въ руки съ наказомъ отъ дѣдовъ. Казакъ долженъ подчиниться общему настроенію, онъ не можетъ не исполнить своего долга, ибо отъ него откажется станица, а можетъ быть, и войско. Онъ боится общественнаго мнѣнія. А гдѣ есть общественное мнѣніе, тамъ есть и гражданственность.

Потерявъ до нѣкоторой степени свою русскость и отколовшись отъ народной гущи, высшій слой прервалъ всякую связь между ею и центральной властью, между крестьянствомъ, т. е. 80% населенія, и пріемлемымъ для него Хозяиномъ Русской Земли.*) Образовалась

---

*) Государь Александръ II какъ то заявилъ на одномъ изъ засѣданій Совѣта: «Я вообще недоволенъ отчетами губернаторовъ и министровъ. Покойный Государь часто поручалъ ихъ мнѣ разсматривать: признаюсь, съ особымъ презрѣніемъ читалъ я отчеты бывшаго министра народнаго просвѣщенія и бывшаго министра государственныхъ имуществъ. Что это были за отчеты? Одна лесть и лесть, а самое дѣло все спутано или о немъ вовсе не говорится». Изъ записокъ гр. Протасова.

Оторвавшись отъ народной гущи, высшій слой, а съ нимъ и правящій классъ, терялся при наступленіи грозныхъ событій, не зная, какъ поступить. Такъ, въ письмахъ

непроницаемая стѣна. Исторически-духовныя нити оборвались. Это ясно показалъ ходъ событій Смуты.

Для изжитія Смуты необходимо удовлетворить вѣковое стремленіе крестьянства къ собственности. Но первое время по сверженіи большевиковъ, послѣ столь долгаго бушеванія страстей, когда устои государства и семьи расшатаны, когда понятіе объ обязанностяхъ, долгѣ и чести подорваны, личность придавлена, гражданственность преслѣдуема, — казачество можетъ и должно занять свое историческое положеніе въ возрожденіи Россіи, какъ государственно настроенный и стойкій элементъ, на который вполнѣ можетъ опереться центральная власть, съ одной стороны, какъ на вооруженную силу, а съ другой — какъ на очаги законности и порядка, какъ на живой примѣръ въ томъ.

Но, конечно, не то казачество-вольница, о которомъ мечтаютъ нѣкоторые изъ самостійниковъ, твердя лишь о казачьихъ вольностяхъ и правахъ. Прежнее понятіе о казакѣ, скакавшемъ на полудикомъ конѣ по степямъ, или о запорожцѣ, мчавшемся на чайкѣ по Синему Морю, когда за пахоту казнили смертью, надо забыть, разъ ужъ и степей то нѣтъ (всѣ распаханы), разъ броневики бѣгаютъ, самолеты летаютъ, а въ Синемъ морѣ подводныя лодки.

Будущее казачество — это часть населенія Россіи въ 6 милліоновъ (съ иногородними, какъ увидимъ ниже), сидящая на 50-ти милліонахъ десятинъ земли, граждане хлѣборобы, твердые въ русскихъ обычаяхъ и вѣрѣ, вполнѣ сохранившіе свою русскость и давшіе значительный образованный слой, который прикрѣпленъ вѣковой связью къ гущѣ. Объединенное въ Казачій Союзъ всѣхъ войскъ, оно представитъ большую государственную цѣнность для Центральной власти и станетъ на свой историческій путь «служенія родинѣ съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ битвъ и внутри въ борьбѣ съ измѣной и предательствомъ». Если 500 тысячъ фашистовъ и 600 тысячъ большевиковъ достаточны чтобы держать всю страну, то 2 милліона казаковъ (въ казачьей жизни было въ обиходѣ, что набирали 30%) смогутъ, въ случаѣ надобности, поддержать порядокъ. Помимо того, какъ было сказано выше, казачество сможетъ служить спайкой между расколовшимися слоями русскаго народа, какъ близко стоящее къ крестьянству по своему положенію, съ одной стороны, а съ другой — примыкающее образованнымъ своимъ слоемъ, не потерявшимъ русскости, къ высшему русскому слою. И своею русскостью оно благотворно повліяетъ на высшій слой, а государственностью на «интернаціональную интеллигенцію». И казачество будетъ казачествомъ, пока не сольются въ одно цѣлое расколовшіеся слои русскаго народа, и пока границы нашего Государства будутъ въ опасности, или пока на окраинахъ будетъ вестись

Государя-Мученика читаемъ: «А господа министры, какъ мокрыя курицы, собирались и разсуждали о томъ, какъ сдѣлать объединеніе всѣхъ министерствъ, вмѣсто того, «что бы дѣйствовать рѣшительно»... «Говорятъ много, но дѣлаютъ мало»... «... Ни на кого я не могъ опереться»... «Безъ того у насъ вообще мало людей съ гражданскимъ мужествомъ, какъ ты знаешь, ну а теперь его почти ни у кого не видно»... «... Никто у насъ не привыкъ брать на себя, и всѣ ждутъ приказаній, которыя затѣмъ не любятъ исполнять...». «... Въ Петербургѣ менѣе всего видно смѣлости власти, и это, именно, производитъ странное впечатлѣніе какой-то боязни и нерѣшительности, какъ будто правительство не смѣетъ открыто сказать, что можно и чего нельзя дѣлать»...

борьба съ русскостью, какъ то теперь происходитъ въ западной части, отошедшей къ Румыніи, Польшѣ, Литвѣ, Латвіи и Эстоніи. Одна Польша поработила болѣе 10 милліоновъ русскаго населенія, половина котораго въ Гродненской, Виленской, Минской, Волынской и Холмской губ. (причемъ русскаго населенія отъ 91% — 50%, послѣднее въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, а поляковъ всего 0,2%—14%, послѣднее въ Бѣлост. уѣздѣ), а половина приблизительно въ Восточной Галиціи, гдѣ русскихъ 74%, а поляковъ 12% — большая часть городское населеніе и помѣщики.

Этимъ мы вернулись къ положенію, которое существовало при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вѣковая борьба западнаго казачества (нашихъ предковъ) оказалась тщетной. Ее надо начинать сначала, такъ какъ идетъ сильный напоръ на русскость и на православіе въ отошедшихъ отъ Россіи областяхъ. Можетъ быть, было государственной ошибкой уничтоженіе западнаго казачества. Можетъ быть, его слѣдовало бы насадить по всей западной границѣ на земляхъ, оказывавшимися свободными вмѣсто того, чтобы раздавать ихъ помѣщикамъ. Принимая во вниманіе успѣшную борьбу западнаго казачества за русскость и православіе, можно сказать, что тогда, по всей вѣроятности, намъ не пришлось бы быть свидѣтелями отпаденія отъ Россіи ея западныхъ областей.

Поэтому можно придти къ заключенію, что не только казачество отжило свое, и его слѣдовало бы уничтожить, но, наоборотъ, его слѣдуетъ возродить и по западной границѣ въ обще-государственныхъ цѣляхъ.

Но казачество должно само оправиться отъ войны и Смуты и залѣчить свои раны, особенно нанесенныя его злѣйшимъ врагомъ — соціалъ-большевиками. Ему нужно окрѣпнуть, а для этого необходимо разрѣшить нѣкоторые насущные вопросы, связанные съ землеустройствомъ и службой.

Въ правящихъ кругахъ въ столицѣ ходило выраженіе: «Что казаку нужно? Донцу шашка да пика..., а пластуну пузо. И все будетъ благополучно».

Но не только это нужно было и будетъ казаку, чтобы вести и въ дальнѣйшемъ тяжелую службу.

До 1835 г. казаковъ забирали всѣхъ и старыхъ и молодыхъ, кто только могъ носить оружіе. Съ 1835 г. всѣ казаки, кромѣ духовенства и калѣкъ, служили 30 лѣтъ: 5 лѣтъ дѣйствительной службы и 25 лѣтъ внѣшней. Съ 1863 г. 25 лѣтъ внѣшней сократили на 15. По узаконенію 1875 г. служить обязаны всѣ казаки съ 18 лѣтъ со своимъ снаряженіемъ и лошадью: 3 года подготовительныхъ, 12 лѣтъ дѣйствительныхъ, 5 лѣтъ запаса, а затѣмъ войсковое ополченіе. Причемъ казакъ привязанъ къ своему войску, за его предѣлы онъ не можетъ выѣхать безъ особаго разрѣшенія и, возвратясь домой послѣ первой очереди, еще нѣсколько лѣтъ долженъ содержать коня, не производя имъ никакихъ работъ. Помимо того, снаряженіе казака на службу тяжелымъ бременемъ ложилось на хозяйство. Иногда, снарядивъ трехъ сыновей, казакъ совершенно разорялся. Собственно, снаряженіе не отзывалось губительно на хозяйствѣ, когда на казачьихъ земляхъ было мало

поселенцевъ, и самимъ казакамъ жилось привольно. Такъ, напримѣръ, до положенія 1889 г. о земельномъ устройствѣ на Кубани, казаки пахали, гдѣ хотѣли. Такое положеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ Сибирскихъ войскахъ и въ Уральскомъ.*) Но послѣднее время запасныя земли въ главныхъ войскахъ сильно истощились, потому надѣлъ уменьшился до размѣра, неспособнаго снарядить казака. Кромѣ того войско должно было содержать себя: все гражданское управленіе, суды, тюрьмы, учебныя заведенія, пенсіи чиновникамъ и офицерамъ, выплачивать дополнительное жалованье Наказному Атаману и т. д. Но своими средствами оно не распоряжалось. Хотя войсковые капиталы считались войсковымъ достояніемъ, но они находились въ дѣйствительности въ вѣдѣніи военнаго министра. Такъ что придти на помощь казаку въ необходимомъ размѣрѣ войско не могло. Точно также не могло производить улучшенія въ своей жизни: ни въ духовномъ отношеніи, ни въ хозяйственномъ. Это препятствовало войску идти навстрѣчу запросамъ жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе увеличивалось, жизнь осложнялась. Вслѣдствіе чего и войска и казаки бѣднѣли. Въ свое время ген. Куропаткинъ, побывавъ на Дону, нашелъ, что необходимо выдавать пособіе въ 100 руб. казаку, выходящему съ конемъ. Въ 1904-5 гг. на Кубани выдавали конному 100 р., а пластуну 50 руб. Въ 1906 г. Наказный Атаманъ кн. Одоевскій доносилъ: «При исполненіи бюджетныхъ предположеній Донское Войско въ недалекомъ будущемъ будетъ поставлено въ совершенную невозможность выполнить лежащія на немъ обязанности по войсковой повинности и по управленію областью». Во время войны, въ 1916 г. за павшую лошадь казаку выплачивалось 150 руб., а лошадь стоила 300 руб. и болѣе.

Между тѣмъ, казачьи земли очень богаты, по крайней мѣрѣ въ Евр. Россіи. И при правильномъ веденіи, хозяйство, какъ войсковое, такъ и казачье, могло бы быть поставлено на высокую ступень. По Дону и Донцу имѣются залежи каменнаго угля на 15.000 кв. верстъ, предполагается 3.000 милліардовъ пудовъ. Послѣдніе годы добывалось 75% всей русской добычи. Есть залежи и въ Кубанской Области. Помимо того послѣдняя давала 5 ½ милліоновъ пудовъ нефти въ годъ, а Терская 75. На казачьихъ земляхъ имѣются залежи золота, серебра, мѣди, марганца, цинка, свинца и желѣза. Въ Европ. Россіи онѣ давали 4/5 всей пшеницы , свыше 1/3 ячменя, до 3/4 шерсти, каменнаго угля, свинца и почти все серебро.

Чтобы представлять изъ себя единое сплоченное, крѣпкое и могущее выставить хорошо снаряженныхъ и обученныхъ казаковъ, войско должно быть хозяиномъ своей земли и имѣть въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ живущихъ на ней, т. е. принять въ свой составъ всѣхъ иногороднихъ, которыхъ оно найдетъ способными кь этому. Вѣдь, въ сущности ничего новаго не должно произойти. Какъ мы видѣли, въ казачьи войска вливались свѣжія силы вплоть до половины XIX в. Тѣмъ болѣе, что испытывается въ этомъ необходимость послѣ войны и, особенно, Смуты. Къ тому же Донъ, Кубань и Терекъ разрѣшили въ основѣ

*) Въ Уральскомъ каждый казакъ на дѣйствительной службѣ получаетъ наемку, которая составляется отъ взносовъ казаковъ, не находящихся на дѣйствительной службѣ, отъ 17 до 51 г., въ войсковую казну.

этотъ вопросъ еще въ 1918 г.; Донъ принималъ въ казаки изъ иногороднихъ дѣятельныхъ борцовъ противъ большевиковъ, а Кубань и Терекъ — уроженцевъ, прожившихъ 10 лѣтъ въ областяхъ. Существованіе разнородныхъ элементовъ очень вредно отзывалось на казачьей жизни и влекло къ расказачиванію. Число иногороднихъ быстро возрастало (въ Донской 55% и Кубанской — 60%), и это грозило казакамъ раствориться въ немъ. Двойственность управленія въ областяхъ ослабляла войска и мѣшала сплотненію. Такъ, задуманное еще въ 1871-5 гг. на Дону смѣшанное земство было нежизненно. На областномъ земскомъ собраніи въ 1877 г. было отъ казаковъ 127 представителей, 134 отъ землевладѣльцевъ и торговцевъ и 40 отъ крестьянъ. Слѣдовательно, казаки уже не являлись хозяевами у себя. Надо было или предоставить иногороднимъ поглотить казаковъ, или уничтожить земство. Что и было сдѣлано въ 1882 г. по настоянію казаковъ. Искусственно придуманный на Дону, въ наше время «паритетъ», т. е. смѣшанное правительство изъ казаковъ и иногороднихъ, не только не разрѣшалъ вопроса и не способствовалъ сліянію, но произвелъ рѣзкое раздѣленіе населенія на двѣ враждующихъ половины. Между тѣмъ, какъ эти обѣ половины должны слиться во-едино. Иногородніе, признанные способными, взятые въ тѣсные рамки казачества, быстро оказачатся и пополнятъ собою ряды. Негодная же часть, большинство которой окажется, несомнѣнно, изъ пришельцевъ во время Смуты, русская казна вывезетъ въ Сибирь и Туркестанъ на вольныя земли. И если въ 1914 г. казачьяго населенія было около 4 милліоновъ, то съ принятіемъ иногороднихъ оно должно возрасти до 6 мил.

Уплотненное и единородное казачество дастъ большой удѣльный вѣсъ въ Государственной жизни. Для этого оно должно сохранить свой укладъ, примѣняясь ко времени. Въ виду прироста населенія и уменьшенія надѣла, какъ слѣдствія, казакъ не сможетъ выходить на службу со своимъ снаряженіемъ и конемъ, равно какъ и станица не будетъ въ состояніи отвѣчать за исправный выходъ казака.*) Снаряжать казака надлежитъ войску. Поэтому оно должно быть полноправнымъ хозяиномъ своей земли: почви и нѣдръ земныхъ. Круговая порука станицы не будетъ необходима. Слѣдовательно, общинное владѣніе потеряетъ свой смыслъ, и можно будетъ ввести частное владѣніе, столь необходимое для улучшенія хозяйства и поднятія благосостоянія казаковъ.

Принимая во вниманіе прошлое казачества и въ виду его государственной зрѣлости, можно вполнѣ утверждать, что оно имѣетъ полное право на широкое самоуправленіе **) съ выборнымъ Атаманомъ, утвержденнымъ Верховной Властью для связи съ центромъ. Само собою разумѣется, что войска должны въ военномъ отношеніи всецѣло подчиняться Главному Командованію. Равно какъ и долженъ производиться обще-государственный надзоръ.

Укрѣпленное и оздоровленное казачество, какъ наиболѣе крѣпкій

---

*) Въ IV Думѣ въ своей объяснительной запискѣ военный министръ находилъ неприкосновенной основу круговой поруки станицы за исправность казака. Поэтому поддерживалось общинное владѣніе землей.

**) Атаманъ Красновъ писалъ о Кругѣ Спасенія Дона 1918 года: «онъ былъ истинно народнымъ и потому короткимъ, мудрымъ и дѣловымъ въ своихъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ».

и стойкій элементъ въ государственномъ отношеніи съ одной стороны, и въ отношеніи русскости, именно русскаго духовнаго «я» (вѣра, языкъ, обычаи, преданія и пр.) съ другой, должно стать носителемъ русской національной идеи и повести за собой оба слоя нашего общества, высшій, какъ уже потерявшій національизмъ, и низшій, какъ еще его не выносившій въ себѣ, и объединить, такимъ образомъ, собой русское общество.

Казачество скажетъ свое слово и станетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, не дожидаясь, пока его кто-то и куда-то поведетъ, какъ того желаетъ Объединенный Совѣтъ. Нежеланіемъ разбираться въ русскомъ вопросѣ и безразличнымъ ожиданіемъ указки, Объединенный Совѣтъ сводитъ казачество на степень наемнаго войска и умаляетъ его достоинство, какъ сознательныхъ гражданъ; даже больше того, онъ считаетъ казачество прямо таки неспособнымъ разбираться въ государственныхъ вопросахъ, что даже и оскорбительно.

Сплоченное казачество, нераздираемое партійной жизнью, ибо вся его сила, какъ говорилъ ген. Калединъ, въ томъ, что оно не знаетъ партій (ввести партійность въ казачество, значитъ разрушить его), станетъ твердой опорой Русскому Государю въ дѣлѣ возстановленія Отчизны нашей съ вѣрою въ Единую, Соборную, Могучую и Святую **Р**усь.

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange — Paris (Ve).

Казачьи Войска
въ XX вѣкѣ
Петроградъ
Москва
Кiевъ
Кубанское
Терское
Астраханское
Уральское
Оренбургское
Сибирское
Семирѣченское
Обь
Енисей
Иркутскъ
Енисейское
Забайкальское
Лена
Якутскъ
Охотскъ
Амурское
Амуръ
Уссурiйское

СКЛАДЪ:

PRINCE GORTCHAKOFF, 6, rue Constan Conquelin

Paris